От «звериной философии» к медицинской генетике: евгеника в России и Советском Союзе[1]

Н.Л. Кременцов

Университет Торонто, Канада; n.krementsov@utoronto.ca

Настоящая статья представляет собой обзор трёх хорошо различимых периодов в развитии российской евгеники: имперского (1900–1917), большевистского (1917–1929) и сталинского (1930–1939). Зародившись в начале века как особый подход к обсуждению вопросов наследственности, разнообразия и эволюции человека, в первые советские годы евгеника быстро оформилась в самостоятельную научную дисциплину со своими обществами, исследовательскими учреждениями и периодическими изданиями, и оказала значительное влияние на широкий спектр медицинских вопросов, здравоохранение и социальную политику. На рубеже 1920–30-х гг., в период сталинского «великого перелома», евгеника подверглась критике как «буржуазная» наука и занимавшиеся ею учёные переименовали её в «медицинскую генетику». После краткого периода успешного роста в начале 1930-х гг. медицинская генетика была заклеймена как «фашистская» наука, и к концу десятилетия исследования в этой области практически прекратились. Основываясь на опубликованных работах и архивных материалах, данная статья рассматривает причины столь необычной, по сравнению с другими странами, траектории развития российской евгеники.

***Ключевые слова**:* генофонд**,** евгеника, евфеника, медицинская генетика, Россия, СССР.

Осенью 1926 г. С. М. Третьяков, известный в те годы пролетарский поэт и драматург, написал пьесу «Хочу ребенка» (Третьяков, 1988). Главная героиня Милда, классический типаж женщины-большевички, занята организацией яслей для семей рабочих. Встречаясь с молодыми родителями и их малышами, она, к своему удивлению, понимает, что сама тоже хочет ребенка. Будучи убежденным членом партии, Милда подходит к этому желанию в соответствии с указаниями партии — научно. Она не думает ни о любви, ни о браке, она просто хочет найти подходящего отца для своего будущего ребенка и убедить его оплодотворить её. Рассмотрев круг своих знакомых на предмет потенциального партнера, Милда отвергает «интеллигента» с говорящим именем Дисциплинер и выбирает Якова, «стопроцентного пролетария». Однако Яков влюблен в другую, Олимпиаду, и поначалу отказывается служить «производителем», но через некоторое время уступает уговорам Милды. Пьеса заканчивается конкурсом детей, проводимым врачебной комиссией, чтобы определить лучшего ребенка, родившегося в прошедшем году. Выигрывают конкурс двое детей — оба рождены от одного отца, пролетария Якова, но разными матерями, Милдой и Олимпиадой. Среди всеобщего ликования интеллигент Дисциплинер мрачно заявляет, что больше половины гениев было бездетно.

В.Э. Мейерхольд с воодушевлением взялся за постановку пьесы, несколько месяцев выбирал актеров, подбирал декорации и начал репетиции. Мейерхольд не жалел усилий, чтобы обеспечить эксклюзивные права на постановку пьесы для своего театра в сезоне 1927/28 гг. И.Г. Терентьев, известный ленинградский театральный режис-

[1] Переработанный вариант статьи, опубликованной на английском языке в журнале “Annals of Science” (Krementsov, 2011).

сер, также планировал поставить пьесу, представив её как «диспут» между актерами и зрителями. Ведущие советские режиссеры, очевидно, разделяли мнение В.В. Маяковского о том, что пьесе Третьякова суждено стать «вторым "Броненосцем Потемкиным"» — культурной иконой русской революции (Маяковский, 1961, с. 233). Не приняв во внимание эти высокие оценки деятелей культуры, в декабре 1929 г., после почти трёх лет обсуждений, советская цензура запретила исполнение пьесы и даже публикацию её текста[2].

Основной причиной такого решения цензоров была тема пьесы — евгеника. В драматической (но весьма схематичной) форме пьеса отражала тогдашние горячие дискуссии о месте евгеники в революционном обществе. Как Терентьев отмечал в плане постановки пьесы: «Ни в коем случае темой спектакля не может быть евгеника в биологическом смысле. <…> Нам нужна социально понятая евгеника» (Терентьев, 1928, с. 35). В определённом смысле судьба пьесы Третьякова оказалась аналогичной судьбе самой евгеники в советской России. Хотя некоторые государственные органы, в частности народные комиссариаты здравоохранения (Наркомздрав) и просвещения (Наркомпрос), с энтузиазмом поддерживали евгенику в 1920-х гг., даже само слово «евгеника» стало уничижительным термином в 1930 г.

Среди многих стран, которые могли похвастаться хорошо организованными евгеническими сообществами в межвоенный период, ни одна, казалось, не была менее подходящей для обсуждения проблем «расовой дегенерации» или растущей плодовитости «низших классов», чем большевистская Россия. Хотя евгенические идеи начали проникать в Россию ещё в 1890-е гг., лишь после 1917 г. евгеника стала признанной научной дисциплиной. Как и почему пролетарское государство, провозгласившее построение бесклассового общества и официально осудившее расизм и национализм, превратилось в центр евгенических дебатов, поддерживало евгенические исследования и учреждения и проводило вдохновленную евгеникой социальную политику? Какую евгенику поддерживали большевики? Почему после десятка лет стремительного развития и растущей популярности евгеника в Советском Союзе прекратила свое существование в 1930 г., задолго до того, как другие страны заняли аналогичную позицию по отношению к евгенической программе улучшения человечества? Как советский опыт повлиял на судьбы евгеники в других странах? Не давая окончательных ответов на эти вопросы, данная статья стремится наметить возможные подходы и новые направления в изучении истории российской евгеники.

Пытаясь объяснить «взлет и падение» евгеники по всему миру, историки разработали целую серию различных концепций[3]. Они привязали развитие евгеники к основным идеологическим доктринам XX в., включая расизм, национализм, фашизм, феминизм, неомальтузианство, прогрессизм, сциентизм, дарвинизм и элитизм (Kuhl, 2013). Они показали связь между евгеническими идеями, институтами и политикой, с одной стороны, и империализмом, государством социального благополучия (welfare state), колониализмом, и государственным строительством — с другой (Broberg, Roll-Hansen, 1996; Stepan, 1996; Schwartz, 2000; Stern, 2005). Они продемонстрировали связь евгеники с различными аспектами сельского хозяйства, педагогики, медицины, юриспруденции и естественных наук (Peel, 2004; Weindling, 1989). Увы, большинство этих концепций оказываются неприменимыми к истории евгеники в России.

---

[2] Лишь отрывки были опубликованы в 1927 г. (Третьяков, 1927).

[3] Новейший обзор истории евгеники в различных странах см.: Bashford, Levine, 2010.

В то время как объём работ по истории евгеники в других странах постоянно растёт, история евгеники в России, особенно в имперский период[4], не слишком привлекала внимание учёных и до сих пор не стала темой специального монографического исследования. Опубликованные более двадцати лет назад работы Марка Адамса (Adams, 1989a, b, 1990a, b, c, d), заложили основу предварительного анализа сходств и различий в развитии евгеники *как научной дисциплины* о наследственности человека в СССР и других странах (Flitner, 2003; Spektorowski, 2004), а также о роли западных евгенических и генетических сообществ в формировании советской евгеники (Graham, 1977; Weindling, 1992; Adams, Allen, Weiss, 2005; Krementsov, 2006). Хотя предыдущие исследования установили существование прочных связей между генетикой и евгеникой, её связи с другими дисциплинами (от медицины до криминалистики и от демографии до педагогики) требуют дополнительного исследования. В то же время история советской евгеники *как идеологии* остаётся в значительной степени неизведанной территорией (см., например: Хен, 2003). Ещё менее изученной остаётся история евгеники *как социальной политики* — влияние евгеники и учёных-евгеников на политические решения и их реализацию в различных областях от социальной гигиены до планирования семьи и от абортов до этнической политики. За последние двадцать лет стало доступным огромное количество новых материалов, но всеобъемлющую историю евгеники как науки, идеологии и политики в России и Советском Союзе ещё только предстоит написать[5].

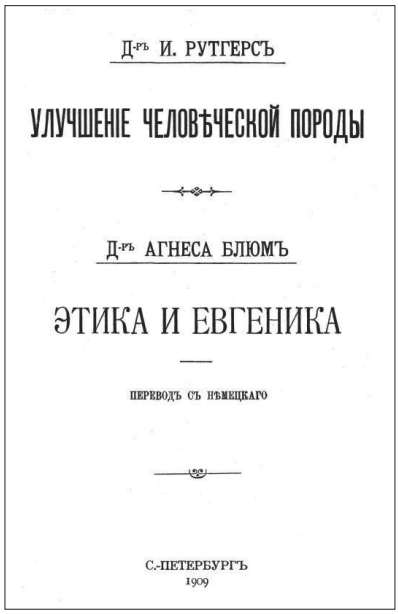
«Звериная философия»: евгеника в имперской России

Первый русский перевод «Наследственности таланта» Фрэнсиса Гальтона появился в 1874 г., но в последующую четверть века евгенические идеи не вызвали особого интереса в России: другие работы отца-основателя евгеники так и не были опубликованы. В Российской империи отсутствовали необходимые социально-экономические условия, способствовавшие возникновению такого интереса в других странах. Огромная, малонаселенная, аграрная, самодержавная, поликонфессиональная и многонациональная — как на уровне населения, так и на уровне правящих элит — страна не давала ни материала для изучения, ни восприимчивой аудитории для евгенических идей о биологическом вырождении, падении темпов рождаемости, расовом смешении, социальной деградации и перенаселении. Хотя профессор Медико-хирургической академии В.М. Флоринский (1866) озвучил их ещё в 1865 г., идеи «улучшения человечества» не вызвали в России дискуссий, не говоря уже об организованном движении.

В течение первых двух десятилетий XX в., когда началась институциализация евгеники в Западной Европе и Северной Америке, ситуация изменилась: евгенические идеи

[4] Мне известны лишь две работы, освещающие развитие евгеники в России до 1917 г. (Фельдер, 2012; Krementsov, 2014).

[5] См.: Бабков, 2008; Пчелов, 2008. Несмотря на многообещающие названия, обе книги представляют собой не монографические исследования, а просто переиздания статей и некоторых архивных материалов из истории евгеники с комментарием составителей и почти без исторического анализа. Целый ряд журнальных публикаций последних двух десятилетий затрагивает различные аспекты истории советской евгеники, например работы В.В. Бабкова, М.Д. Голубовского, М.Б. Конашева, Е.Б. Музруковой, Е.Б. Пчелова, Р.А. Фандо, Ю.В. Хен и др., но практически все российские исследователи следуют схеме, предложенной Адамсом, и ограничиваются лишь анализом связи развития евгеники и генетики, оставляя в стороне все остальные вопросы.


Д-РЪ И. РУТГЕРСЪ

УЛУЧШЕНІЕ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ ПОРОДЫ

Д-РЪ АГНЕСА БЛЮМЪ

ЭТИКА И ЕВГЕНИКА

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1909

стали проникать в Россию и обсуждаться в научном сообществе и среди образованной публики. В 1900–1917 гг. были опубликованы переводы работ многих зарубежных сторонников евгеники (см., например: Рутгерс, 1909; Давенпорт, 1913 и др). Зарождавшиеся в России профессиональные сообщества психиатров, юристов, педагогов, антропологов, гигиенистов и биологов внимательно изучали идеи своих западных коллег, обращаясь к евгенике в её различных ипостасях — научной, идеологической, политической — в специализированных и популярных изданиях (см., например: Юдин, 1914). Будущие российские евгеники были хорошо информированы о разнообразных подходах к вопросам «улучшения человечества», разработанных в других странах, и могли выбирать из множества доступных идей, щедро перемешивая французскую *puériculture* с немецкими *Rassenhygiene* и *Fortpflanzungshygiene*, англо-американскую *eugenics* с французской *antropologie sociale*, немецкую *Sozialpathologie* с французской *eugénetique*. По аналогии со словом «зоотехника» они предложили термин «антропотехника», часто заменявший в их работах соответствующие иностранные названия евгеники (Крживицкий, 1912, 1914; Тимирязев, 1912; Аноним, 1914).

Хотя российские евгеники активно заимствовали идеи западных коллег, в том, что можно назвать «российским подходом», было несколько особенностей. Большинство комментаторов критиковали расовый и классовый компоненты немецкой расовой гигиены и англо-американской евгеники. Многие, как и их французские коллеги, делали акцент на роли окружающей среды / образования / воспитания. Они отказывались от «негативных мер» (будь то стерилизация или сегрегация), популярных в американской, немецкой и скандинавской евгенике, как средство избавления от таких «социальных болезней», как алкоголизм, венерические заболевания, туберкулез, проституция и преступность, предлагая в качестве альтернативы улучшение социальных условий, перевоспитание и профилактическую медицину.

Российские комментарии по поводу Первого международного евгенического конгресса (1912 г., Лондон) наглядно отражают эти особенности. Хотя Россия не посылала официальных представителей на Конгресс, по крайней мере, двое россиян присутствовали на его заседаниях. Философ и теоретик анархизма князь П.А. Кропоткин принял участие в дискуссиях, а И.В. Шкловский, популярный журналист (псевдоним — Дионео), освещал работу Конгресса в российских журналах. Кропоткин выступил со страстной обличительной речью:

> «Кого же считать неприспособленными [*unfit*]? — восклицал он, — рабочих или бездельников? Женщин из народа, самостоятельно выкармливающих своих детей, или же леди высшего света, неприспособленных к материнству из-за их неспособности исполнять все обязанности матери? Тех, кто производит дегенератов в трущобах, или же тех, кто производит их во дворцах?»[6].

[6] Problems in Eugenics. Vol. II. 1913. P. 50–51.

Он был категорически против предложения, неоднократно звучавшего на съезде, о стерилизации «неприспособленных»: «Прежде чем рекомендовать стерилизацию слабоумных, <…> эпилептиков (Достоевский был эпилептиком), не было ли их [евгеников. — *Н.К.*] обязанностью изучить социальные корни и причины этих болезней?» Кропоткин настаивал, что такие социальные меры, как создание здорового жилья и уничтожение трущоб, «позволят улучшить зародышевую плазму нового поколения более, чем любое число стерилизаций». Шкловский вторил критике Кропоткина. Подзаголовок его сообщения о конгрессе — «Звериная философия» — говорит сам за себя. Если Кропоткин критиковал классовый компонент евгенических идей, то Шкловский сосредоточил свое внимание на расовом: «Все те будто бы научные данные, на которых основывается учение о высших и низших расах, не выдерживают критики по той простой причине, что антропология не знает чистых рас» (Дионео, 1912, с. 302).

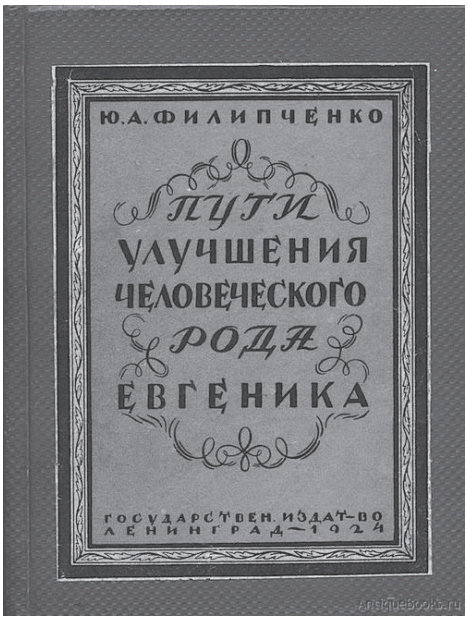
Действительно, хотя некоторые российские антропологи участвовали в пропаганде превосходства «великорусской расы» (Чиж, 1895; Ковалевский, 1903; Сикорский, 1915), большинство их коллег отклонили расовые интерпретации своего предмета. Но многие из них с энтузиазмом восприняли евгеническую программу «улучшения человечества»[7]. Евгеника предоставила антропологам возможность стать не просто «observateurs de l'Homme» (наблюдателями человека), но и играть важную социальную роль экспертов по вопросам разнообразия и эволюции человека. Именно антрополог Л. Крживицкий, писавший статьи о евгенике для различных российских энциклопедий, вероятно, придумал русский термин «антропотехника». Но, как и другие российские антропологи, Крживицкий предостерегал от поспешного применения негативных евгенических мер, которые, по его мнению, в настоящее время «обращаются в орудие узкого классового мировоззрения» (Крживицкий, 1914, с. 100).

Многие российские юристы скептически оценивали идеи «врожденной преступности» и предложения о стерилизации заключённых, популярные в западных евгенических кругах. В 1912 г. петербургский юрист П.И. Люблинский опубликовал подробный критический разбор евгенических законов, незадолго до этого принятых в США. Многие педагоги и психологи так же критически оценивали идеи «наследственного слабоумия», утверждая, что так называемые «отсталые дети» вполне могут стать нормальными членами общества (Ковалевский, 1906). На I Съезде по народному образованию в январе 1914 г. профессор Харьковского университета И.Г. Оршанский выступил с докладом на тему «Наследственность и вырождение», который побудил съезд принять специальную «Резолюцию по борьбе с детской преступностью, самоубийствами, неполноценностью и дегенерацией», призывая к созданию специализированных школ для перевоспитания «отсталых детей».

Многие российские медики симпатизировали евгенике (Krementsov, 2014). Врачам, имевшим дело с хроническими заболеваниями, в особенности психиатрам и неврологам, евгеника предоставила новую методологию исследований (семейные истории болезни, изучение близнецов, статистический анализ) и новую терминологию, заменив старые расплывчатые идеи «врожденной конституции» на недавно обнаруженные принципы наследственности, будь они ламарковскими, гальтоновскими, вейсмановскими или менделевскими (Оршанский, 1897; Юдин, 1907). Психиатры, в их числе В.М. Бехтерев (1908) и Т.И. Юдин (1913), взяли на вооружение идеи «наследственного вырождения» в своих

[7] Общая история физической антропологии в России подробно разобрана в недавней монографии, Могильнер (2008). К сожалению, книга не затрагивает деталей взаимоотношений антропологии и евгеники.

исследованиях психически больных. Другие, например Оршанский (1911), фокусировали внимание на «наследственных талантах», продолжая исследовательскую программу Гальтона. В этот период было защищено несколько докторских диссертаций по теме «наследственность и болезни» (Кабанов, 1899; Тутышкин, 1902; Шоломович, 1913). Для многих врачей использование языка и методов евгеники стало средством сделать их область занятий более «объективной» и «научной».



Евгеника получила особенно тёплый прием среди российских гигиенистов и санитарных врачей (Фельдер, 2012; Krementsov, 2014). В программном заявлении, опубликованном в первом выпуске журнала «Гигиена и санитария» (основанного видным бактериологом Н.Ф. Гамалеей), указывалось, что «генеративная гигиена (евгеника)»[8] должна составлять важную часть российского здравоохранения (Программа журнала, 1910). Журнал начал публикацию серии статей о евгенике и представил специальный раздел рецензий по этой теме (Караффа-Корбутт, 1910). В 1912 г. Гамалея опубликовал обзор «Об условиях, благоприятных для улучшения природных качеств людей» (Гамалея, 1912). Как и их западные коллеги, российские гигиенисты особое внимание уделяли вопросам алкоголизма и наследственности (Сажин, 1908). Специалисты в области здравоохранения старались держаться в курсе новейших разработок в изучении наследственности (Укше, 1915). В ноябре 1912 г. Русское общество охранения народного здравия организовало специальное заседание и пригласило известного селекционера Р.Р. Правоченского выступить с лекцией «Современные представления о наследственности в их применении для человека» (Кучук, 1912).

Евгеника нашла восприимчивую аудиторию в зарождающемся в России сообществе экспериментальных биологов, в особенности среди генетиков. Как и их западные коллеги, российские биологи-экспериментаторы использовали евгеническую риторику для того, чтобы свою, новую для научного сообщества область поставить в равное положение с такими устоявшимися дисциплинами, как зоология, анатомия или ботаника. Научно-популярный журнал «Природа», созданный в 1912 г. и ставший оракулом сообщества экспериментаторов, регулярно публиковал статьи по генетике и евгенике (Кравец, 1914a, b). Два основоположника российской генетики: Н.К. Кольцов (1916a, b) и Ю.А. Филипченко (1914), были особенно активны в этом начинании: публиковали переводы и обзоры западных работ, читали тематические лекции и налаживали контакты с учёными и врачами, заинтересованными в генетике и евгенике. В начале февраля 1917 г. Филипченко произнёс длинную речь о евгенике для многочисленной аудитории, собравшейся на празднование десятой годовщины Психоневрологического института Бехтерева (Филипченко, 1918).

[8] Термин «генеративная гигиена» является калькой немецкого *Fortpflanzungshygiene*.

Врачи, антропологи, юристы, педагоги и биологи обращались к тем аспектам евгеники, которые соответствовали их профессиональным интересам, и это позволяло им использовать евгенические идеи, исследования и риторику для поддержки своих претензий на автономию и авторитет перед самодержавным российским государством и конкурирующими профессиональными сообществами.

Наука и идеология: евгеника в большевистской России

До Октябрьской революции 1917 г. понятие евгеники использовалось различными деятелями (врачами, юристами, биологами и т. д.) и наполнялось различным содержанием, но евгеника не смогла ни стать основой организованного движения, ни институализироваться в России. Ситуация кардинально изменилась после революции. В течение всего нескольких лет евгеники создали научные общества, исследовательские учреждения и периодические издания и ввели евгенику в учебные планы школ и университетов. И, как показывает пьеса Третьякова, к середине 1920-х гг. евгенические идеи стали предметом дискуссий в общественных, литературных и театральных кругах.

Из всех профессиональных групп, интересовавшихся вопросами евгеники в дореволюционный период, именно генетики возглавили её институциализацию в большевистской России. Как и везде в мире, институциализация евгеники шла рука об руку с институциализацией генетики и, как убедительно продемонстрировал Марк Адамс (Adams, 1989a), два отца-основателя генетики, Кольцов и Филипченко, сыграли решающую роль в этих процессах.

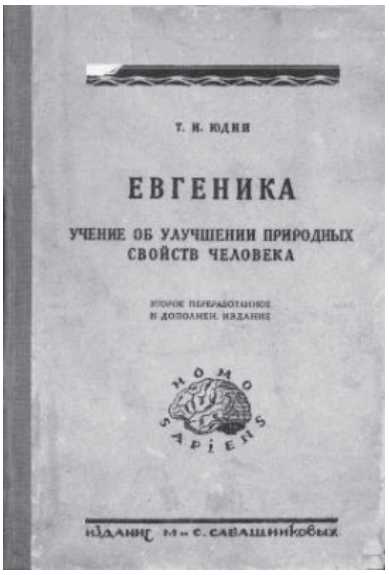
В конце 1916 г. Кольцов создал в Москве Институт экспериментальной биологии (ИЭБ), где планировал организовать генетическую лабораторию[9]. После революции он потерял фонды и благотворителей, поддерживавших институт, и приложил немало усилий, чтобы найти покровителей в учреждениях новорождённого большевистского государства: Народном комиссариате земледелия (Наркомзем), Наркомпросе и Наркомздраве (Adams, 1980). Сотрудничество Кольцова с Наркомздравом оказалось особенно плодотворным. Нарком здравоохранения врач-большевик Н. А. Семашко был активным сторонником социальной гигиены и главной движущей силой её институциализации в советской России[10]. Учитывая популярность евгеники среди российских гигиенистов, вряд ли стоит удивляться тому, что евгеника нашла свое первое пристанище в Государственном музее социальной гигиены Наркомздрава, организованном в январе 1919 г. (Мольков, 1924). В музее была создана научно-консультативная группа по «биологическому вопросу», охватывавшему «общую биологию, физиологию, антропологию и расовую гигиену», членом которой стал и Кольцов. В январе 1920 г. Наркомздрав взял ИЭБ под своё крыло, и летом Кольцов создал в нем Отдел евгеники. В то время Отдел существовал только на бумаге — в докладах, которые Кольцов представлял своему начальству, а в реальности не имел ни персонала, ни исследовательской программы.

В начале октября 1920 г. на заседании группы по «биологическому вопросу» Кольцов предложил создать евгеническое общество. Психиатр Т. И. Юдин, давно интересовав-

[9] О Кольцове см.: Астауров, Рокицкий, 1975.

[10] Об истории советской социальной гигиены, см.: Solomon, 1990.

шийся евгеникой, санитарные врачи А. В. Мольков и А. Н. Сысин, соратники Семашко в строительстве социальной гигиены, с энтузиазмом поддержали идею Кольцова (Бунак, 1922). Через несколько дней, 15 октября, группа вновь собралась, чтобы обсудить разработанный Кольцовым устав общества. Месяц спустя 19 ноября 1920 г. Русское евгеническое общество (РЕО) в присутствии 30 членов провело своё первое заседание, утвердившее устав и избравшее «временное бюро»: Кольцов — председатель, антрополог М. В. Волоцкой — секретарь, Юдин и антрополог В. В. Бунак — члены бюро. С созданием общества Отдел евгеники ИЭБ начал функционировать: Бунак был назначен его главой, Волоцкой — помощником, а Кольцов взял на себя «общее научное руководство»[11]. Кольцов также стал редактором Русского евгенического журнала (РЕЖ), первый выпуск которого вышел в начале в 1922 г. под эгидой Наркомздрава.


Т. И. ЮДИН

ЕВГЕНИКА

УЧЕНИЕ ОБ УЛУЧШЕНИИ ПРИРОДНЫХ СВОЙСТВ ЧЕЛОВЕКА

ВТОРОЕ ПЕРЕРАБОТАННОЕ И ДОПОЛНЕН. ИЗДАНИЕ

HOMO SAPIENS

ИЗДАНИЕ М. и С. САБАШНИКОВЫХ

С самого начала своих организационных усилий Кольцов обратился за поддержкой к своему «собрату по оружию» в создании российской генетики — Филипченко[12]. Он даже пригласил Филипченко возглавить Отдел евгеники ИЭБ и сумел утвердить его кандидатуру в Наркомздраве[13]. Но, занятый созданием собственной институциональной базы в Петрограде, Филипченко отказался переехать в Москву. К моменту приглашения Кольцова, Филипченко уже организовал первую в России кафедру генетики в Петроградском университете и занимался устройством лаборатории генетики в недавно созданном при Университете Петергофском естественнонаучном институте (Кайданов, 1994). В сентябре 1920 г. Кольцов пригласил Филипченко присоединиться к нему в деле учреждения РЕО. В ноябре во время встречи в Москве Филипченко и Кольцов обсудили стратегию и решили, что Филипченко будет действовать в Петрограде независимо от того, что Кольцов будет делать в Москве[14].

Филипченко не стал терять времени. 3 февраля 1921 г. он направил записку в Комиссию по изучению естественных производительных сил (КЕПС), призывая к созданию «Бюро по евгенике»[15]. Совет КЕПС принял его предложение и 14 февраля учредил Бюро с целью изучения «вопросов наследственности, в особенности в приложении к человеку». Во главе бюро встал Филипченко, а двое его студентов стали сотрудниками. Вскоре они запустили и собственное периодическое издание — «Известия Бюро по евгенике», выходившие под грифом Российской академии наук. В 1924 г. Филипченко стал вместе с Кольцовым соредактором РЕЖ.

---

[11] См. Архив Российской Академии наук (далее — АРАН). Ф. 570. Оп. 1. Д. 11. Л. 27.

[12] О Филипченко см.: Медведев, 2006.

[13] АРАН. Ф. 570. Оп. 1. Д. 1. Л. 29, 34, 58.

[14] См. дневники Филипченко в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ): Ф. 813. Оп. 1. Д. 1283. Д. 3.

[15] См.: СПФ АРАН. Ф. 132. Оп. 1. Д. 217. Л. 2–6; Филипченко, 1922; кратко история Бюро излагается в работе М.Б. Конашева (1994).

Несмотря на международную изоляцию новорожденной советской республики, пионеры советской евгеники стали устанавливать контакты с западными коллегами, в том числе Чарлзом Давенпортом, Рагглсом Р. Гейтсом и Эрвином Бауром (Krementsov, 2005). Уже в сентябре 1921 г. глава Американского евгенического бюро Чарлз Давенпорт получил длинное письмо от Н. И. Вавилова, находившегося в то время на съезде по фитопатологии в Сан-Франциско. Вавилов информировал лидера американской евгеники о создании РЕО и работе, проводимой Филипченко и Кольцовым. Вавилов сожалел, что не может принять участие в работе II Международного евгенического конгресса, проходившего в то время в Нью-Йорке, и просил Давенпорта собрать литературу по евгенике для русских коллег[16]. Примерно в то же время Давенпорт получил письмо от Кольцова, сообщавшее о создании РЕО и Отдела евгеники ИЭБ. Кольцов отмечал, что хотел бы принять участие в Международном евгеническом конгрессе, но на тот момент это казалось совершенно невозможным. Он также сетовал на «интеллектуальный голод», испытываемый русскими учёными, и просил американского коллегу о помощи в получении новейшей генетической и евгенической литературы[17]. Несколько недель спустя Давенпорт получил ещё одно письмо из России, от Филипченко, сообщавшее о создании Бюро по евгенике в Петрограде — к письму был приложен первый выпуск его «Известий» — и также просившее о помощи в приобретении евгенической литературы[18]. Давенпорт сразу же откликнулся на просьбы и отправил крупную партию книг и журналов в Москву и Петроград.

Этот обмен вскоре перерос в обширную переписку между американскими и советскими генетиками и евгениками. Советские евгеники рецензировали текущие западные работы и переводили их на русский язык (см., к примеру: Гатс, 1926). Они публиковали отчеты о своей работе в западной евгенической периодике (см., к примеру: Koltzoff, 1925). Хотя они не смогли присутствовать на II Международном евгеническом конгрессе, состоявшемся в 1921 г. в Нью-Йорке, в следующем году РЕО вступило в Международную федерацию евгенических организаций, и Кольцов стал представлять советскую евгенику в её совете. Два года спустя, в 1924 г., Кольцов и Бунак приняли участие в конференциях по евгенике в Праге и Милане. В свою очередь, несколько видных западных евгеников, в том числе Баур и Гейтс, посетили СССР в середине 1920-х гг.

Несмотря на интенсивные контакты, новорождённая советская евгеника не просто следовала по стопам своих западных соседей. Важное значение в её развитии имели местные особенности и традиции. В своём обращении к общему собранию РЕО в честь его первой годовщины в октябре 1921 г. Кольцов определил и разграничил три ключевых элемента евгеники (Кольцов, 1922). Первый элемент — «чистая наука», которую он назвал «антропогенетика», — должен был собирать сведения о наследственности человека и исследовать принципы наследования различных признаков. Второй — «прикладная наука», которую вслед за своими дореволюционными предшественниками Кольцов назвал «антропотехника», — должен был применять знания, полученные антропогенетикой, и найти надлежащие методы улучшения генетического качества будущих поколений. Третий — «евгеническая религия», сопоставимая, по мнению

[16] Вавилов Давенпорту, 21 сентября 1921 г. “Davenport Papers”. Рукописный отдел библиотеки Американского философского общества (далее — “Davenport Papers”).

[17] См.: Кольцов Давенпорту, 25 июня 1921, “Davenport Papers”.

[18] См.: Филипченко Давенпорту, 28 октября 1921, “Davenport Papers".

Кольцова, с национализмом, христианством, исламом и социализмом[19], — должен был создать «высокий идеал, который … достоин того, чтобы дать смысл жизни и подвигнуть человека на жертвы и самоограничения». Идеал этой новой «религии» состоял в создании «высшего типа человека, могучего царя природы и творца жизни». Вторя Гальтону, Кольцов заключал: «Евгеника — религия будущего, и она ждет своих пророков» (с. 26–27).

Если пророков евгенике не хватало, то апостолов было вполне достаточно. Уже во втором выпуске РЕЖ была опубликована статья А.С. Серебровского, ученика Кольцова[20], «О задачах и путях антропогенетики», наметившая методологию исследований и программу новой науки (Серебровский, 1923). Учитывая небольшой размер существовавших институтов (и петроградское Бюро и Отдел евгеники ИЭБ насчитывали лишь по три сотрудника), евгеники сосредоточили свои усилия на пропаганде. В 1920–1925 гг. Кольцов, Филипченко, Бунак, Волоцкой и Юдин опубликовали десятки брошюр и около ста статей о евгенике в специализированных и популярных изданиях. Практически в каждом научно-популярном журнале появились статьи о евгенике и её значении для новой, советской России. Лидеры евгеники читали лекции, организовывали выставки и дискуссии и включали евгенику в программы учебных курсов по биологии для средней школы и университетов. Они активно устанавливали связи с другими профессиональными группами. Например, на II Всесоюзном съезде по борьбе с малярией в Москве в январе 1924 г. Кольцов выступил с пленарным докладом на тему «Евгеника и малярия»[21].

Активная пропаганда принесла обильные плоды: к середине десятилетия число членов РЕО более чем утроилось и включало уже не только генетиков, гигиенистов,

[19] Кольцов явно использовал слово «религия» в том смысле, в котором мы используем слово «идеология».

[20] О Серебровском см.: Воронцов, 1993; Adams, 1990c.

[21] О съезде см.: Московский медицинский журнал. 1924. № 4. С. 146–153.

психиатров и антропологов, но и гинекологов, педагогов, организаторов здравоохранения и образования, психологов, физиологов, юристов, неврологов и криминалистов. По примеру Москвы и Петрограда в начале 1920-х гг. стали появляться самостоятельные евгенические группы, а также местные отделения РЕО в Екатеринославе, Казани, Киеве, Одессе, Ростове-на-Дону, Саратове, Свердловске, Харькове и других городах[22].

Существующие исторические исследования подчеркивают тесные связи между генетикой и евгеникой, и, соответственно, роль Кольцова и Филипченко в институционализации евгеники. Однако другие профессиональные группы также внесли существенный вклад в развитие советской евгеники. Особенности государственной системы здравоохранения с её акцентом на профилактику, социальную медицину и особенно на охрану материнства и младенчества помогают объяснить специфику персонажей, дисциплин и учреждений, увлечённых евгеникой в первое десятилетие советской власти.

Охрана материнства и младенчества (ОММ) стала одним из основных направлений здравоохранения и социальной политики: специальные отделы ОММ были организованы и в Наркомздраве, и в Наркомате социального обеспечения. Идеология, лежавшая в основе деятельности ОММ, — от создания консультаций для беременных до пропаганды грудного вскармливания, — совпадала в значительной степени с идеями французской puériculture. Неудивительно, что евгеники приняли меры, чтобы заинтересовать своей программой чиновников и исследователей ОММ. Уже в декабре 1920 г. Кольцов выступил с докладом «Евгеника как научная база для работы отдела ОММ [Наркомздрава]» на I Всероссийской конференции по охране материнства и младенчества. Кольцов посвятил свой доклад вопросу об абортах, который стал естественным мостом между евгеникой и ОММ. Обращение Кольцова побудило конференцию признать, что «с точки зрения и евгеники, и охраны материнства и младенчества, распространение абортов является величайшим злом» (Кольцов, 1921, с. 55). Несколько юристов, давно интересовавшихся вопросами евгеники, например Люблинский (1925), разработали законодательную базу ОММ и проанализировали «евгенические последствия» различных законодательных актов в России и за рубежом. В 1925 г. Люблинский стал вместе с Кольцовым и Филипченко соредактором РЕЖ.

Евгеника нашла своих энтузиастов и среди акушеров и гинекологов. Ещё в 1922 г. общества акушеров и гинекологов в Киеве и Москве провели совещания по евгенике (Делярю, 1923; Гринберг, 1923). В мае 1922 г. председатель Российского терапевтического общества В. Д. Шервинский выступил с докладом «Беременность и евгеника» на совместной конференции гинекологов и терапевтов Москвы[23]. В июне 1924 г. VI Всесоюзный съезд общества акушеров и гинекологов посвятил специальное заседание «евгенике и биологическим вопросам» (Евгеника и биологические... 1924). Профессор Саратовского университета Н. М. Какушкин в своём выступлении «Евгенетика и гинекология» наметил широкую программу связей гинекологии и евгеники[24]. Он утверждал, что «ведению евгенетики подлежат» не только «чадородные способности» женщины, «все вопросы грудного вскармливания ребенка, детской гигиены, дошкольного и школьного воспитания, вопросы

[22] О работе, к примеру, Саратовского отделения см.: Кутанин, 1928.

[23] О конференции см.: Гинекология и акушерство. 1922. № 4–5. С. 101.

[24] Многие российские гинекологи предпочитали термин «евгенетика», предложенный в 1912 г. их знаменитым французским коллегой Адольфом Пинаром (Adolphe Pinard, 1844–1934). См.: Drouard, 1998.

брака и половой гигиены, вопросы борьбы с половыми болезнями и с проституцией» должны стать сферой действий «гинеколога-евгениста». По мнению Какушкина (1925, с. 415), «гинекология в евгенетике находит новые пути, новые задачи, новые средства», а «евгенетика имеет в гинекологии самый главный, основной корень своего существования и питания». Выступление Какушкина продемонстрировало, что евгеника предоставила гинекологам удобный ресурс в конкуренции с другими медиками за контроль не только над ОММ, но и над здравоохранением в целом. Участники съезда горячо обсуждали евгеническую роль контрацепции и абортов, легализованных в советской России в ноябре 1920 г. Однако доклад А.А. Шороховой об искусственном оплодотворении женщин как средстве борьбы с бесплодием не вызвал особых дискуссий[25], что свидетельствует об отсутствии интереса к этому предмету среди русских гинекологов (в отличие от гинекологов и евгеников других стран, которых весьма беспокоило резкое снижение рождаемости после Первой мировой войны; в России рождаемость в этот период оставалась очень высокой). В последующие годы возможные евгенические последствия контроля рождаемости продолжали привлекать пристальное внимание. «Временная стерилизация женщин» в качестве альтернативы абортам и нехватке контрацептивов стала второй ключевой темой на Всесоюзном съезде акушеров и гинекологов в 1928 г. (Сахаров, 1928).

Учитывая вовлечённость гигиенистов в обсуждение евгеники в имперский период, не стоит удивляться, что эта группа оказалась одной из самых активных в деле евгенической пропаганды и законодательства и в следующий период. Определяя свою область как «науку будущего, изучающую и изменяющую условия биологического благополучия человечества», многие социальные гигиенисты видели в евгенике «конечную цель всей санитарно-медицинской деятельности» (Ткачев, 1924, с. 11, 153). Они включали евгенику в программы учебных курсов гигиены и даже физического воспитания, поскольку, по словам главы Наркомздрава Семашко, «физическое воспитание является основой евгеники» (Семашко, 1924, с. 3). Конкуренция с другими медиками за положение советников правительства в вопросах здравоохранения и социальной политики стимулировала гигиенистов к разработке «основ евгенического законодательства» (Сысин, 1924). Они предложили запрет на браки до 18 лет, а также на браки между близкими родственниками и психически больными. Они решили, что до регистрации брака пара должна информировать друг друга о своих «историях болезни», особенно в отношении венерических, психических и туберкулезных заболеваний, и представить письменные показания по этому поводу в регистрирующий брак орган. Гражданский кодекс 1926 г. превратил эти инициативы в закон.

Многие врачи, занимавшиеся проблемами наследственных заболеваний, также включились в евгенические исследования и пропаганду. Ещё в 1922 г. профессор Киевского университета А.А. Кронтовский создал «Бюро по изучению наследственности человека». Три года спустя он опубликовал 200-страничное руководство для изучения патологической наследственности и конституции человека (Кронтовский, 1925). В 1920-е гг. медики горячо обсуждали роль «наследственной конституции» в этиологии различных заболеваний, от туберкулеза до шизофрении (ср.: Лифшиц, 1924; Давиденков, 1925; Юдин, 1926). В 1927 г. Московское общество невропатологов и психиатров учредило Генетическое бюро для изучения наследственных заболеваний под руководством известного невролога С.Н. Давиденкова (1928).

[25] См.: Труды VI Всесоюзного съезда общества акушеров и гинекологов. М., 1925. С. 448–455.

В начале 1920-х гг., учитывая дефицит ресурсов, советские евгенические исследования были направлены в основном на сбор семейных историй болезни и клинических родословных с использованием специальных опросников и анкет[26]. С улучшением экономической ситуации в стране к середине десятилетия евгеники с энтузиазмом взялись за изучение наследования групп крови человека и инициировали общегосударственный проект по созданию «карты» распределения групп крови в различных этнических группах и географических регионах. СССР стал первым государством, где подобный проект был институциализован: в 1926 г. специальная «Постоянная комиссия для изучения групп крови» была создана в Харькове и вскоре начала публиковать бюллетень на немецком, русском и украинском языках[27].

Если в методах исследований советские евгеники были неотличимы от западных коллег, то объекты их работ заметно отличались от принятых на Западе. Хотя население страны предоставляло богатый материал для изучения смешанных браков между людьми разных «рас», советские евгеники крайне мало внимания уделяли вопросам «метисации» (Бунак, 1925), которые были одним из главных объектов изучения их коллег за рубежом (например, в Бразилии, США и Германии). В СССР не проводились исследования «неприспособленных», подобные печально известной работе Генри Годдарда «Семья Калликак»[28]. Совсем наоборот, главным лозунгом научно-исследовательских институтов, созданных в начале 1920-х гг. для «изучения преступника и преступности», стало утверждение, что «врожденной преступности» просто не существует (Краснушкин, 1926). За исключением Волоцкого (1923) советские евгеники отвергали методы негативной евгеники и критиковали своих западных коллег за пропаганду евгенических законов о принудительной стерилизации «неприспособленных» (Филипченко, 1925b; Современное состояние... 1925). Продолжая дореволюционные традиции, советские педагоги и педологи — сторонники комплексной науки о детстве, также отклонили идею стерилизации или изоляции так называемых «неполноценных» детей. Вместо этого они выступали за их перевоспитание и поиск подходящих методов и организацию специальных учреждений для этой цели.

Хотя советские евгеники изучали различные наследственные заболевания, намного больше внимания они уделяли исследованиям «приспособленных», причём не столько их физических черт (таких как рост или сила), сколько «творческих талантов». Почти половина евгенических статей, опубликованных в советских журналах, анализировали наследование литературных, музыкальных, математических и художественных способностей наряду с «наследственной склонностью» к научным исследованиям и представляли «евгенические» родословные известных учёных, музыкантов, художников и писателей. Даже в своих исследованиях патологической наследственности многие евгеники обращали внимание на связь между творчеством и некоторыми формами «наследственной дисфункции», в том числе эпилепсии, шизофрении и психозов. В 1925 г. группа психиатров, эндокринологов и анатомов основала «Клинический архив гениальности и одаренности». В подзаголовке журнала было указано, что их

[26] Советские евгеники тщательно изучали вопросники и анкеты, разработанные Американским евгеническим бюро под руководством Давенпорта, и модифицировали их для собственных исследований. Образцы американских анкет сохранились в личных архивах и Кольцова, и Филипченко.

[27] См.: Бюлетени Постийної комисии вивчання кровьяних угруповани. Харків, 1927.

[28] Об истории западных исследований «неприспособленных» см.: Rafter, 1988.

интересуют «вопросы патологии гениальноодаренной личности, а также патологии творчества»[29]. Эта группа изучала творческие способности психически больных и создавала «патографии» известных русских писателей, поэтов и музыкантов, в том числе А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, А.Н. Скрябина, Л.Н. Толстого и М. Горького[30].

Результаты всех этих исследований довольно прозрачно намекали, что одна социальная группа — интеллигенция — является воплощением «приспособленности» и «наследственным» носителем талантов (Филипченко, 1925а). Сравнительно высокий уровень эмиграции и смертности в годы Гражданской войны существенно уменьшил численность интеллигенции и поставил под вопрос само её существование в условиях «власти пролетариата». Многочисленные работы по теме «интеллигенция и таланты», созданные советскими евгениками в начале 1920-х гг., можно рассматривать как попытку мобилизовать общественное мнение и подтолкнуть большевистское правительство к принятию мер, направленных на сохранение и преумножение «творческого» капитала нации.

Существующие исследования по истории евгеники в России сосредоточены исключительно на её интеллектуальных и институциональных аспектах. Тем не менее, как и везде в мире, евгеника привлекла внимание не только специалистов — учёных, врачей, педагогов или юристов, но и широкой общественности. Пьеса Третьякова ясно обозначает «социальное поле» евгеники, существовавшее в советской России. В то самое время, когда Третьяков работал над своей пьесой, в сентябре 1926 г. популярный журнал «Гигиена и здоровье рабочей и крестьянской семьи» организовал Всесоюзный конкурс здоровых детей, по образцу подобных конкурсов в США и Великобритании (д-р А., 1926). Журнал приглашал читателей присылать фотографии и специальные анкеты, заверенные врачом, свидетельствовавшие о состоянии здоровья ребенка и родителей. За четыре месяца журнал собрал 753 анкеты и с гордостью поместил на обложку февральского номера за 1927 г. 25 фотографий победителей, получивших главные призы: от швейной машины до набора игрушек.

Пьеса Третьякова была, конечно, не единственным показателем популярности евгеники в советском обществе. В том же 1926 г. Кольцов получил просьбу о поддержке от «Евгенического общества перфекционистов» — небольшой коммуны, организованной энтузиастами на юге России с целью воплотить идею «евгенического брака» на практике[31]. В 1920-е гг. евгеника занимала видное место и в различных литературных произведениях, стоит вспомнить хотя бы «Собачье сердце» М.А. Булгакова[32]. В 1928 г. профессор гинекологии Бакинского университета Ф.Н. Ильин опубликовал роман «Долина новой жизни», предвосхитивший многие темы, которые спустя несколько лет Олдос Хаксли развил в своем известном произведении «О, дивный новый мир». В романе изображалось «евгеническое общество», использующее искусственное оплодотворение и эктогенез (выращивание человеческих эмбрионов вне чрева матери) для создания «идеального человека»[33]. Эти примеры показывают, что к середине 1920-х гг.

---

[29] См.: *Сегалин Г.В.* (ред.) Клинический архив гениальности и одаренности (европатологии), посвящённый вопросам патологии гениально одаренной личности, а также вопросам патологии творчества. Свердловск, 1925–1929.

[30] Работы этой группы исследователей частично освещаются в работе И.Е. Сироткиной (Sirotkina, 2001).

[31] АРАН. Ф. 450. Оп. 3. Д. 79. Л. 1–11.

[32] О евгенических мотивах повести Булгакова, см.: Howell, 2006; Krementsov, 2013.

[33] Тео Эли, 1928. В качестве других примеров можно привести романы А.Р. Беляева «Человек-амфибия» и В.В. Валюсинского «Пять бессмертных». Все три романа вышли в одном и том же 1928 г.

евгеника стала влиятельным культурным ресурсом, использовавшимся учёными, педагогами, врачами, писателями, государственными чиновниками и широкой общественностью для достижения своих собственных целей.

Пьеса Третьякова также указывает на то, что, несмотря на популярность в профессиональных и общественных кругах, советская евгеника столкнулась и с критикой. Большинство критических нападок исходили из учреждений «коммунистической» науки — Коммунистической академии, Кружка врачей-материалистов и общества «Ленинизм в медицине»[34]. Критические статьи появлялись не только в изданиях, выпускаемых этими учреждениями, но и на страницах «Правды»[35]. Критика евгеники велась по трём основным направлениям: эгалитаризм, марксизм и ламаркизм.

Хотя советские евгеники дистанцировались от расовых и классовых предубеждений западных евгенических исследований и дискуссий, они всё же сходились со своими западными коллегами в элитарном уклоне, ясно просматриваемом в многочисленных исследованиях «творческих талантов». Как видно из названия статьи, «Не из верхних десяти тысяч, а из нижних миллионов», опубликованной в рупоре Комакадемии — журнале «Под знаменем марксизма», критики считали такой элитизм несовместимым с провозглашенной большевиками политикой эгалитаризма (Шмидт, 1925). Многие авторы клеймили евгенику как «буржуазную» науку, а евгеников обвиняли в продвижении реакционных идей, отвлекающих «революционную энергию пролетариата» от его основной задачи — борьбы против капитализма. Некоторые критики призывали к созданию социалистической или пролетарской евгеники, которая соответствовала бы интересам пролетариата (Волоцкой, 1925).

Большинство критиков обвиняли евгенику в игнорировании окружающей среды, в первую очередь социально-экономических условий, которые, согласно марксизму, играют важную роль в формировании человека. Они осуждали евгенику за чрезмерный акцент на биологическом в ущерб общественному, повторяя положение Карла Маркса о том, что человек является прежде всего продуктом социальных условий и воспитания. Г.А. Баткис (1927), известный гигиенист и активный член коммунистических научных обществ, утверждал, что между социальной гигиеной и евгеникой, понимаемой в узком смысле как «улучшение человеческой породы биологическим путем — путем подбора производителей», существует неизбежный конфликт. Он критиковал «буржуазную» евгенику за преувеличенное подчеркивание «подбора производителей» в ущерб «мероприятиям по предохранению потомства от наследственных венерических заболеваний, <...> от алкоголизма, туберкулеза», в которых он видел главную задачу социальной гигиены. В итоге он заключил, что необходимо «широкое понимание» «социалистической» евгеники, которая, по его мнению, есть не что иное, как «та же социальная гигиена» (с. 818).

Акцент на роли среды заставил многих критиков-марксистов прибегнуть к ламаркистскому принципу наследования приобретенных признаков в своих объяснениях наследственности, разнообразия и эволюции человека[36]. Ламаркизм привлекал и некоторых врачей, пытавшихся защищать идеи профилактической медицины, которая казалась бессильной в борьбе против *наследственных* болезней. Большинство дискуссий вращалось вокруг применения понятий «генотип» и «фенотип» к наследственности

[34] О создании «коммунистической» науки в большевистской России см.: Krementsov, 1997.

[35] Несколько замечаний о «Русском евгеническом журнале» // Правда. 21 июня 1925. С. 7.

[36] О дебатах по поводу взаимоотношений марксизма, дарвинизма, ламаркизма и генетики см.: Krementsov, 2010.

человека и наследственным заболеваниям (Слепков, 1925a, b). Некоторые полагали, что «конституция» соотносится исключительно с генотипом, другие — с фенотипом, и для многих по обе стороны дебатов ламарковский принцип наследования послужил мостом между ними (Розенблюм, 1926). По мнению С. Г. Левита, основателя Кружка врачей-материалистов, «большинство русских врачей уже давно признали возможность наследования приобретенных свойств. <…> как иначе можно теоретически обосновать <…> лозунг о перестройке всей медицины на профилактические рельсы? Мыслимо ли серьезно говорить о подобных мероприятиях, исходя при этом из предпосылки о неизменности генотипа?» (Левит, 1927, с. 20–21)[37].

Евгеники потратили немало усилий, отвечая на эту критику. Нарком Семашко (1927) опубликовал статью «Их евгеника и наша», призванную разграничить «западную, буржуазную» и «советскую, пролетарскую» евгеники. Кольцов и Филипченко вели совместную кампанию против ламаркизма в популярных и научных журналах. Серебровский пошел еще дальше: он вступил в Комакадемию, чтобы противостоять критикам изнутри, и 12 января 1926 г. выступил с докладом «Теория наследственности Моргана и Менделя и марксисты». Серебровский (1926) заявил, что генетика предлагает подлинно материалистическое, и следовательно марксистское, понимание наследственности, в то время как ламаркизм является идеалистическим, а значит антимарксистским. Чтобы отклонить обвинения в элитарности, Серебровский ввел понятие генофонда, который описывал «генетический капитал нации». Он утверждал, что «гены приспособленности» не являются исключительным достоянием какой-либо одной социальной группы, но распылены, часто в скрытой форме, среди всего населения.

Кольцов немедленно воспользовался идеей своего ученика, выступив с публичной лекцией, которая вызвала значительный общественный резонанс[38]. Кольцов представил «евгенические родословные» нескольких выдающихся деятелей культуры, вышедших не из интеллигенции, а из крестьянства, в том числе М. Горького и Ф.И. Шаляпина. На основе этих родословных Кольцов утверждал, что население страны обладает «гигантским генофондом», содержащим бесчисленное множество генов творчества, таланта и гения, и что использование этого генетического богатства и является основной задачей советской евгеники (Кольцов, 1926). Отвечая на обвинения в игнорировании роли социальных и экономических условий, Кольцов подчеркнул, что при царском режиме этот генофонд не был использован, так как многие носители генов творчества среди пролетариев и крестьян не могли реализовать свой генетический потенциал, и только большевистская революция создала условия, позволившие каждому в полной мере развивать свои наследственные таланты.

Следуя той же логике, два года спустя Кольцов ввёл понятие евфеники как науки, которая является «необходимым дополнением к евгенике» и «изучает те способы, при помощи которых мы можем, не изменяя генотипа, получать наиболее ценные для нас фенотипы культурных растений, домашних животных и человека» (Кольцов, 1929, с. 690). Согласно Кольцову, такие социальные меры, как образование, гигиена и профилактическая медицина не могут повлиять на генотип и, таким образом, не имеют прямых евгенических последствий. Но они влияют на фенотип и, следовательно, облегчают (или тормозят) проявление определенных генов. «Евфеника требует, — утверждал Кольцов, — чтобы каждый ребенок был поставлен в такие условия воспитания и образования, при которых его специальные наследственные способности нашли бы наиболее полное и наиболее ценное выражение в его фено-

[37] Краткую биографию Левита см.: Adams, 1990b.

[38] См., например: У нас огромный генофонд // 30 дней. 1926. № 12. С. 84–85.

типе». Евгеникам удалось отразить «марксистскую» критику и продолжить развитие своей дисциплины. В 1928 г. врач-материалист Левит, ставший под влиянием Серебровского генетиком, организовал Кабинет наследственности и конституции человека при Медико-биологическом институте (МБИ) Наркомпроса. В том же году Кольцов способствовал созданию Общества по изучению расовой патологии и географического распространения болезней под патронажем Наркомздрава (Краткий отчет... 1929). Но уже через несколько месяцев евгеникам предстояло пережить новую атаку.

«Взлет и падение» медицинской генетики: евгеника в сталинской России

Новая атака на евгенику отражала глубокие изменения в экономической, идеологической и политической жизни, вызванные новой революцией — «революцией сверху» (Tucker, 1990). 1929 г., «год великого перелома», был отмечен кардинальными переменами во всех сферах жизни страны: коллективизация, индустриализация, а также выполнение амбициозного первого пятилетнего плана. Практически все наркомы были заменены доверенными Сталина, в том числе был смещён и Семашко. «Революция сверху» значительно ограничила автономию и авторитет, которыми пользовалось научное сообщество в 1920-е гг., и привела к быстрой сталинизации советской науки[39]. Печально известное Шахтинское дело 1928 г. ознаменовало окончание периода, когда специалисты играли роль советников и экспертов во всех сферах жизни страны. Эта роль теперь полностью отдавалась партийным бюрократам и идеологам, а профессионалы обязаны были лишь следовать директивам партаппарата.

Уже первая волна марксистской критики в 1925–1927 гг. заставила евгеников задуматься об идеологической опасности, сопряжённой с их исследованиями. Многие из них стали избегать самого слова «евгеника». В конце 1925 г. Филипченко добавил слово «генетика» к названию своего Бюро по евгенике, и с этого времени был соответственно переименован и его журнал, прекративший публиковать работы по евгенике и наследственности человека, сосредоточившись исключительно на генетике растений и животных. В 1928 г. Филипченко окончательно убрал слово «евгеника» из названия и бюро, и журнала.

«Великий перелом» усугубил эту тенденцию. I Всесоюзный съезд по генетике и селекции в январе 1929 г. собрал около двух тысяч участников. Но на нем не было ни одной сессии, посвящённой генетике человека[40]. Единственный доклад, озаглавленный «Наследственные болезни», был посвящён болезням животных. А единственный доклад, в котором человек был упомянут как объект исследования, был представлен на заседании по генетике домашних животных гинекологом А. А. Шороховой. В выступлении, основанном на более чем десятилетних исследованиях по искусственному оплодотворению женщин как средстве борьбы с бесплодием, предполагалось, что её опыт может оказаться полезным для животноводов (Шорохова, 1929). В мае, Филипченко отклонил предложение возобновить членство своего Бюро в Международной

[39] Подробно о влиянии «революции сверху» на функционирование советской системы науки см.: Krementsov, 1997.

[40] См.: Труды Всесоюзного съезда по генетике и селекции. Л.: Редколлегия съезда, 1930. 6 тт.

федерации евгенических организаций. А в декабре он сообщил Кольцову о своём намерении выйти из редакции РЕЖ, и только безвременная смерть от менингита следующей весной не позволила Филипченко претворить свои намерения в жизнь[41].

Некоторые сторонники евгеники попытались приспособить свои действия к новым условиям. В конце 1929 г. первый том «Трудов» Кабинета наследственности и конституции человека МБИ открылся программными статьями его редакторов. Одна была написана Серебровским и озаглавлена «Антропогенетика и евгеника в социалистическом обществе», а другая — Левитом, под названием «Генетика и патология (в связи с современным кризисом в медицине)». Обе имели целью представить изучение наследственности человека как жизненно важное для социалистического строительства. Серебровский (1929. С. 12) даже предположил, что «наверное, пятилетку можно было бы выполнить в 2 $^{1}/_{2}$ года <...> если бы нам удалось очистить население нашего Союза от различного рода наследственных страданий». Возможно вдохновленный докладом Шороховой на съезде, он нашел «подлинно социалистический» способ достижения евгенических целей: «отделение любви от деторождения» и «искусственное осеменение рекомендованной спермой» «от одного выдающегося и ценного производителя», который, таким образом, станет отцом «1000 или даже до 10000 детей». При таких условиях, замечал Серебровский, «селекция человека пойдет вперед гигантскими шагами», что приведет к повышению производительности, эффективности и творческих способностей «новых форм человека» в СССР (с. 18). Конечно, отмечал автор, для реализации этого видения, страна нуждается в значительном расширении исследований в области антропогенетики.

Статья Левита утверждала, что в руках антропогенетиков находится ключ к решению почти всех проблем, стоящих перед современной медициной, от этиологии и эпидемиологии различных заболеваний, до изменчивости возбудителей инфекционных болезней и восприимчивости человека к патогенам. Следуя Кольцову, Левит (1929, с. 39) подчеркивал различие между евгеническими и евфеническими последствиями медицинских и социальных вмешательств и настаивал, вопреки своей прежней позиции, что «именно генетика способствует подведению *научного фундамента* под профилактическую систему [здравоохранения]» (выделено Левитом — *H.K.*).

Время панегириков Левита и Серебровского «социалистической евгенике» оказалась весьма неудачным. Оно пришлось на период двух кампаний «великого перелома», призванных поставить преданных сталинистов на ключевые посты во всей системе советской науки. Одна из кампаний была направлена против «буржуазных учёных» и привела к «большевизации» практически всех научных учреждений, начиная с Академии наук СССР. Другая велась против «механистического материализма и меньшевистского идеализма» (Joravsky, 1961; Graham, 1974) и привела к почти полной смене руководства в учреждениях «коммунистической науки». В этих условиях, «манифест» Серебровского, с его утверждениями о роли специалистов в наследственности человека как экспертов по пятилетнему плану (и будущему страны в целом), не мог не вызвать негативную реакцию.

Первый удар был нанесен в апреле 1930 г., когда газета «Известия» опубликовала сатирическую поэму Демьяна Бедного, озаглавленную «Евгеника». В поэме перемежались отдельные фразы из манифеста Серебровского с саркастическими комментариями поэта и отрывками возмущенного письма, которое он якобы получил от некой читательницы. Поэма Бедного высмеивала как видение «социалистической евгеники»

[41] РНБ. Ф. 813. Оп. 1. Д. 363, 736.

Серебровского, так и его претензии на авторитет в вопросах пятилетки и политики в области репродукции. Серебровский не воспринял сатиру Бедного серьезно и даже попытался опубликовать на страницах той же газеты столь же саркастический ответ (также написанный в стихах)[42]. Но его попытка оказалась безуспешной. Несколько месяцев спустя в бой вступили более тяжелые орудия. В сентябре общество «Ленинизм в медицине» опубликовало десятистраничное разоблачение под красноречивым названием «По поводу производственного плана “социалистической евгеники”», в котором идеи Серебровского характеризовались как «совершенно непродуманная и научно необоснованная игра необузданного воображения»[43]. Серебровский немедленно опубликовал покаянное письмо, признав, что его манифест 1929 г. содержит ряд «антипартийных ошибок», «механистических формул» и страдает «абстрактным теоретизированием». Тем не менее, настаивал Серебровский, «указанные явно ошибочные высказывания не стоят ни в какой связи с основными мыслями, развитыми в статье» (Серебровский, 1930, с. 448).

Возможно, эта новая атака оказалась бы недостаточной, чтобы провозгласить конец евгеники в советской России. Несколько отзывов о «Трудах» Кабинета наследственности и конституции человека МБИ, появившихся в специализированных периодических изданиях, призывали к их «возможно более широкому распространению» (Абрикосов, 1930, с. 523). Однако атака совпала с определёнными действиями советской власти, предопределившими «закат» евгеники. Вопреки утверждениям многих авторов, эти действия не были направлены непосредственно против евгеники. В начале 1930 г. в своём стремлении к установлению контроля над всеми сферами жизни страны, партаппарат начал «инспекцию» *всех* научных обществ, на предмет их соответствия целям социалистического строительства. В ходе инспекции, каждое общество должно было представить свой устав и список членов на рассмотрение и утверждение в НКВД. В то же время партаппарат стал ставить преданных членов партии в редколлегии *всех* научных изданий. «Коммунистическая критика» обрекла Русское евгеническое общество на особенно тщательную проверку (Соболев, 1930). В этой ситуации Кольцов, вероятно, решил не подвергать общество, журнал и коллег проверке: он просто не представил необходимые для «перерегистрации» документы в НКВД. Общество перестало существовать, а последний выпуск его журнала вышел в 1930 г. Та же участь постигла Общество по изучению расовой патологии и географического распространения болезней. Через несколько месяцев, готовя план ИЭБ на следующий год, Кольцов переименовал свой Отдел евгеники в «Отдел антропогенетики» и переформулировал его задачи, как изучение «генотипа и его наследственных изменений *под влиянием внешних условий*» (выделено мною — *Н. К.*)[44].

«Конец евгеники» послал недвусмысленный сигнал всем дисциплинарным группам, которые были связаны с ней в 1920-е гг. Советская антропология разделила участь своего ближайшего союзника: в 1930 г. Русское антропологическое общество было распущено, выпуск «Русского антропологического журнала» прекращён, а его главный редактор Бунак уволен с должности директора Института антропологии МГУ. Гинекологи и акушеры стали избегать любого упоминания о евгенике в своих дебатах по вопросам контроля над рождаемостью. Психиатры и невропатологи также перестали

[42] Тексты Бедного и Серебровского были опубликованы Фандо (2002).

[43] По поводу производственного плана «социалистической евгеники» // Московский медицинский журнал. 1930. № 9. С. 77–87.

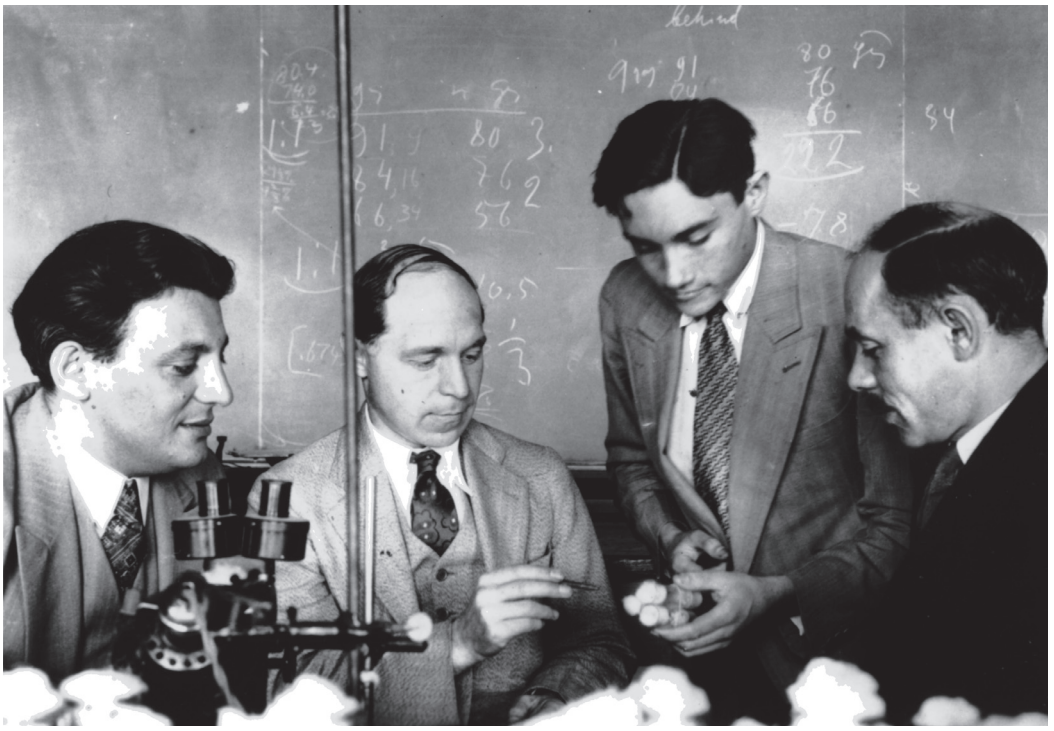
[44] План сохранился в бумагах Кольцова: АРАН. Ф. 450. Оп. 4. Д. 7.

использовать евгенический язык в своих публикациях и переключились исключительно на клинические исследования наследственных заболеваний. В апреле 1930 г. Давиденков написал большую статью «Наши евгенические перспективы», в которой, вторя манифесту Серебровского, провозгласил подходящую для социалистического общества «практическую евгеническую программу» и предложил создать Высший государственный евгенический совет. Вероятно, статья должна была появиться в РЕЖ, но, как и следовало ожидать, так и не увидела света[45]. «Клинический архив гениальности и одарённости» закончил свое существование в начале 1930 г. Социальные гигиенисты, быстро почувствовавшие последствия увольнения Семашко из Наркомздрава, бросились дистанцироваться от своей бывшей «конечной цели». В 1931 г., явно пытаясь забыть свой собственный тезис о сходстве целей социальной гигиены и евгеники, Баткис опубликовал разгромную статью о «капиталистической, западной, буржуазной» евгенике, подкреплённую цитатами из Маркса и Энгельса. Не забыл он и советских сторонников этой «пагубной» теории, охарактеризовав Кольцова и Филипченко как «фашистов», а Серебровского и Левита — как «меньшевиствующих идеалистов» (Баткис, 1931). Как подчеркнул антрополог М.А. Гремяцкий: «вместо евгеники нашей задачей является разработка и осуществление мероприятий социальной гигиены» (Гремяцкий, 1936, с. 152). Само слово «евгеника» стало уничижительным, используемым исключительно для «буржуазной науки». Как того и следовало ожидать, в 1932 г. никто из советских евгеников не приехал в Нью-Йорк на III Международный евгенический конгресс.

К концу 1930 г. два из трёх ключевых элементов евгеники, обозначенных Кольцовым, — «прикладная наука» (антропотехника) и «религия / идеология» улучшения человечества — исчезли из советской России. Но третий элемент — «чистая наука» (антропогенетика) — был продолжен. Хотя после критики 1930 г. Серебровский прекратил работу в области генетики человека, его ученик Левит поднял упавшее знамя социалистической антропогенетики. С рвением новообращенного он положил все силы на продвижение своей недавно обретенной веры. В марте 1930 г. Левит был назначен директором МБИ и немедленно превратил свой Кабинет наследственности и конституции человека в основное подразделение института. Осенью Левит (1930) выпустил второй том Трудов, открывавшийся его программной статьей «Человек как генетический объект и изучение близнецов как метод антропогенетики».

В конце 1930 г. Левит по стипендии Рокфеллера поехал в США в Техасский университет работать с Г.Дж. Меллером, известным генетиком и активным сторонником «социалистической евгеники». Левит также провёл два месяца в Отделе генетики Института Карнеги, возглавляемом ведущим евгеником США Ч. Давенпортом. По возвращении в Москву в начале 1932 г. Левит обнаружил, что генетические исследования в институте были свернуты его преемником на посту директора МБИ. К этому времени «революция сверху» в значительной степени закончилась, и Левит сумел использовать свои контакты в партийном аппарате и собрать воедино осколки своего предприятия. Как он отмечал в предисловии к третьему тому «Трудов МБИ», «начиная с осени 1932 г.» институт сосредоточился на изучении вопросов биологии, патологии и психологии человека «с применением новейших достижений генетики и близких областей (цитологии, механики развития, эволюционной теории). <…> Главная работа института шла по трем направлениям: клиническая генетика, изучение близнецов и цитология» (Левит, 1934, с. IV).

[45] Рукопись статьи сохранилась в бумагах Кольцова: АРАН. Ф. 450. Оп. 5. Д. 29.



Слева направо: С. Г. Левит, Г. Меллер, К. Офферман, И. И. Агол в лаборатории Меллера в Техасском Университете, 1931 (Krementsov, 2005)

Весной 1933 г. по приглашению Н.И. Вавилова, «унаследовавшего» после смерти Филипченко Бюро по генетике, Меллер приехал в СССР. Вавилов предложил ему научное руководство этим учреждением, которое к тому времени выросло в Институт генетики АН СССР. Меллер (1933) немедленно опубликовал перевод своего выступления на III Международном евгеническом конгрессе под говорящим названием «Евгеника в условиях капиталистического общества». А когда следующей весной Институт генетики переехал из Ленинграда в Москву, Меллер стал консультантом Левита в МБИ и опубликовал статью «Евгеника на службе национал-социализма» (1934).

К 1934 г. советские евгеники компенсировали потери и перегруппировались. 15 мая Левит провёл в МБИ «конференцию по медицинской генетике», собравшую более 300 учёных из Москвы, Ленинграда, Казани, Харькова и других городов[46]. Он открыл конференцию докладом «Антропогенетика и медицина». Затем Меллер прочитал лекцию «Некоторые основные этапы развития теоретической генетики и их значение с точки зрения медицины». За этим последовало нечто весьма примечательное: ведущие члены уже не существующего РЕО — Кольцов, Давиденков, Юдин и Бунак — представили доклады о взаимосвязи генетики и медицины. После общей дискуссии конференция приняла резолюцию, которая была не чем иным, как манифестом медицинской генетики. После ставшей обязательной критики «буржуазных евгенических

[46] См.: Конференция по медицинской генетике, 1934.

извращений» резолюция призывала Наркомздрав создать научно-исследовательские центры по медицинской генетике и цитологии во всех крупных городах, организовать кабинеты медицинской генетики во всех медицинских учреждениях, включить генетику в учебные программы (создав соответствующие факультеты и кафедры в каждом медицинском вузе), написать необходимые учебники, а также расширить программу аспирантуры по медицинской генетике в МБИ.

В середине 1930-х гг., будущее советской медицинской генетики казалось весьма радужным. Новый комиссар здравоохранения Г. Н. Каминский с энтузиазмом поддерживал предприятия Левита. Весной 1935 г. МБИ был переименован в Институт медицинской генетики (ИМГ), и в начале 1936 г. Левит выпустил 4-й том «Трудов» института. Книга в пятьсот с лишним страниц содержала 25 работ по различным темам, от морфологического анализа хромосом человека до клинико-генетического исследования железодефицитной анемии, написанных сотрудниками Левита и... членами-основателями РЕО Волоцким и Бунаком. В том же году неврологическая клиника Всесоюзного института экспериментальной медицины во главе с Давиденковым выпустила солидный том, озаглавленный «Неврология и генетика» (1936).

Советские медицинские генетики продолжали поддерживать тесные связи со своими зарубежными коллегами. Учитывая изоляционистскую политику «великого перелома», радикально ограничившую зарубежные поездки советских учёных, VII Международный генетический конгресс, запланированный на лето 1937 г. в Москве, занял особое место в их международной активности[47]. В январе 1936 г. Левит был назначен учёным секретарем Советского оргкомитета и вместе с главой программного комитета Меллером сделал все возможное, чтобы его предмет занял видное место в повестке дня съезда. В мае, надеясь найти поддержку в верхах большевистской партии, Меллер послал Сталину свою недавно опубликованную книгу «Из ночной тьмы» (*Out of the Night*), в которой были сформулированы его «социалистически-евгенические» убеждения (Muller, 1935). В отправленном вместе с книгой письме Меллер призывал Сталина реализовать его идеи на практике[48]. Бичуя «увертки и извращения в этом вопросе», обнаруживаемые «в пустой болтовне о "евгенике", обычной для буржуазных "демократий" и лживом учении о "расовой чистоте", которое служит национал-социалистам орудием в классовой борьбе» (с. 67), Меллер повторял идею Серебровского о том, что благосостояние страны может быть радикально повышено за счет искусственного осеменения женщин спермой «одарённых людей».

Казалось, что будущее евгеники, а ныне медицинской генетики, в России было обеспечено. Но уже через несколько месяцев её судьба ещё раз круто изменилась. Ряд факторов способствовал разрушению медицинской генетики в 1936–1937 гг.[49] Начало Большого террора летом 1936 г. открыло новый сезон охоты на «вредителей», «предателей» и «агентов империализма» во всех сферах жизни и привело к исключению Левита из партии за «связь с оппозицией», что автоматически привело к его увольнению с поста директора ИМГ в декабре 1936 г. В начале декабря 1936 г. рупор

[47] Детальная история VII Международного генетического конгресса представлена в Krementsov, 2005; Кременцов, 2005.

[48] Марк Адамс обнаружил английский текст письма Меллера Сталину среди бумаг Меллера (см. Adams, 1989a). Русский перевод был найден в архиве Сталина и опубликован, см.: Письмо Германа Меллера... 1997.

[49] Подробнее см.: Krementsov, 2006.

партийных идеологов журнал «Под знаменем марксизма» опубликовал статью под названием «Черносотенный бред фашизма и наша медико-биологическая наука», в которой глава отдела науки Московского горкома партии Э.Я. Кольман (1936) обвинял Левита и его сотрудников в «фашистских взглядах» на генетику человека. А в следующем выпуске журнала появился критический обзор последних публикаций ИМГ, подтверждавший это обвинение (Карлик, 1936).

Основным обвинением в адрес сторонников медицинской генетики было то, что они развивали «фашистскую науку». С приходом Гитлера к власти само слово «евгеника», и особенно его немецкий вариант — «расовая гигиена», в сталинской России стало идентифицироваться с расистской политикой нацистов (см., например: Финкельштейн, 1935; Гуревич, 1935). Несмотря на значительные усилия советских генетиков по «разоблачению» расовой гигиены и отделению, по словам одного из них, «настоящей генетики» от её «извращений» в нацистской пропаганде и политике (Фризен, 1935), генетика человека в сознании многих приобрела «фашистскую окраску». Рост напряжённости между гитлеровской Германией и сталинской Россией сделал прошлые и современные связи между евгеникой, медицинской генетикой и расовой гигиеной ещё более подозрительными для советского руководства. В своей атаке на генетику в декабре Т. Д. Лысенко ловко использовал эти связи, чтобы дискредитировать Кольцова и Серебровского, обвинив их в содействии «буржуазной евгенике»[50]. Приравнивание генетики человека и евгеники к нацистскому расизму стало общим местом во всех высказываниях против Левита и его сотрудников — например, на Всесоюзном съезде невропатологов и психиатров в конце декабря 1936 г.[51]

В начале мая 1937 г. на специальном совещании в Наркомздраве обсуждалось будущее ИМГ[52]. Несмотря на активную защиту Давиденкова и сочувственное отношение наркома Каминского, большинство участников вновь обвинили Левита и его сотрудников в продвижении «фашистской науки». Даже методы исследования медицинской генетики, например, изучение близнецов, стали называться «фашистскими». Через несколько месяцев арест Каминского, как члена «троцкистского заговора», окончательно определил судьбу ИМГ: институт был закрыт, а его сотрудники рассеяны по другим учреждениям. Меллер уехал из СССР в Великобританию. Весной следующего года Левит был арестован и расстрелян как «враг народа». С роспуском главного центра исследований и гибелью его директора, медицинская генетика в Советском Союзе была разрушена, хотя некоторые клинические работы по наследственным заболеваниям продолжались в отдельных учреждениях, таких как неврологическая клиника Давиденкова.

В конце 1930-х гг. уничтожение «евгеники-ставшей-медицинской-генетикой» вызвало значительный резонанс за пределами СССР. Одним из основных моментов московского VII Международного генетического конгресса должно было стать обсуждение вопросов, «связанных с расовыми и евгеническими проблемами», инициированное группой американских генетиков с целью общей критической оценки немецкой расовой гигиены (подробнее см.: Кременцов, 2005; Krementsov, 2005, 2006). В ходе дискуссии должны были быть представлены доклады Давиденкова и Левита, а также видных западных генетиков. Предполагаемые связи между медицинской генетикой,

[50] О Лысенко и его атаке на генетику см.: Joravsky, 1970; Krementsov, 1997.

[51] По ложному пути // Правда. 1936. 26 декабря. С. 4.

[52] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 8009. Оп. 1. Д. 113.

расовой гигиеной и евгеникой сыграли важную роль в «откладывании» конгресса советскими властями в конце 1936 г. В свою очередь, эти события определили отношение международного генетического сообщества к той ситуации, в которой оказалась их дисциплина и в сталинской России, и в гитлеровской Германии, что привело к решению о переносе съезда из Москвы в Эдинбург и существенно ослабило решимость международного сообщества в развертывании критики расовой гигиены, заставив отдалить генетику как дисциплину от её «крестного родителя», евгеники. Британский оргкомитет конгресса отклонил предложение британского Общества евгенического образования провести международный евгенический конгресс совместно с генетическим. Оргкомитет сделал все от него зависящее, чтобы ни евгеника, ни расовая гигиена не обсуждались на конгрессе в Эдинбурге осенью 1939 г.

Вторая мировая война прервала исследования в области медицинской генетики в СССР: у врачей были более неотложные задачи, чем сбор клинических родословных. После войны Давиденков (1947) опубликовал объемистый том, обобщивший его двадцатилетний опыт клинических исследований наследственности человека. В конце 1948 г. в результате кампании Лысенко против генетики даже эти клинические исследования были прекращены и медицинская генетика исчезла с советской научной сцены почти на двадцать лет (подробнее см.: Adams, 1989a; Krementsov, 1997).

Евгеника в революционном обществе

История «взлета и падения» евгеники в России и СССР представляет разительный контраст с историей евгеники в других странах. Несмотря на некоторые общие черты, сроки существования, институциональная и дисциплинарная структура, модель финансовой поддержки, общественное влияние и фокус исследований российской евгеники существенно отличались от её западных соседей. После почти двух десятилетий «бестелесного» существования в виде общественной и профессиональной дискуссии о наследственности, разнообразии и эволюции человека в эпоху Российской империи, евгеника быстро институциализовалась как научная дисциплина в советской России. Как и во многих других странах, в 1920-е гг. евгеника стала важным культурным ресурсом для институциализации генетики и социальной гигиены. Советские исследователи предложили несколько важных нововведений в евгеническом теоретическом арсенале, в том числе понятие «генофонд» Серебровского и «евфеника» Кольцова. В 1930 г. само слово «евгеника» стало уничижительным, но сторонники евгеники сумели её сохранить в виде «медицинской генетики». После короткого периода быстрого роста и популярности в начале 1930-х гг. евгеника, называемая теперь медицинской генетикой, была объявлена «фашистской наукой» и к концу десятилетия практически исчезла с советской научной сцены.

Хотя по всему миру евгеника быстро развивалась в начале 1920-х гг., контексты её институциализации в советской России были особенными. В отличие от других стран, где евгеника финансировалась частными лицами и фондами, советская евгеника пользовалась *исключительно государственной* поддержкой. В 1920–30-х гг. государственная бюрократия во многих странах поддерживала евгенику (см., например: Weindling, 1989; Broberg, Roll-Hansen, 1996). Однако, в отличие от Центральной и Южной Европы, где евгеника стала частью строительства *национального* государства и основывалась

на националистической мифологии «крови и почвы» (Turda, Weindling, 2007), СССР был многонациональным государством, где все народы обладали (по крайней мере, на уровне официальной риторики) равными правами и статусом (Hirsch, 2005). Точно так же идеи классового и расового неравенства, которые во многом обеспечивали поддержку евгеники в Англии, Германии и США, были неприемлемы в «пролетарском» государстве. Таким образом, рассуждения об «обычных» основаниях для распространения евгеники в начале 1920-х гг. оказываются мало полезны для понимания ситуации в советской России.

Тем не менее было в истории советской евгеники и несколько общих черт с евгеникой других стран. Даже при том, что большевики не строили *национальное* государство, они все же *строили государство*, создавая законы, институты, бюрократический и репрессивный аппарат и, следовательно, средства контроля над населением. Как утверждают историки евгеники в других многонациональных государствах, таких как Мексика или Бразилия, интенсивная медикализация, связанная с евгеническими проектами, стала одним из инструментов «социального контроля» в процессах государственного строительства и модернизации (см., например: Stepan, 1996). То же самое можно сказать и о советских евгенических проектах, которые скрыто (врачебная комиссия в пьесе Третьякова или идея Давиденкова о Высшем государственном евгеническом совете) или явно (как в Гражданском кодексе 1926 г.) отводили специалистам в области медицины и здравоохранения гораздо большую роль в формировании и проведении социальной политики, чем та, которую они играли до революции. Это объясняет, почему медики, от социальных гигиенистов до гинекологов, с энтузиазмом участвовали в развитии евгеники в 1920-е гг., конкурируя друг с другом за контроль над этим важным ресурсом. Как и члены других профессиональных сообществ, они использовали евгенику для поддержки своих претензий на роль правительственных экспертов в самых различных областях — от семьи и брака до педагогики и демографии.

Но почему же большевики в 1920-е гг. позволили евгеникам занять позиции экспертов? Евгенические идеи «улучшения человечества» были созвучны раннему видению большевиками будущего страны (и, в конечном итоге, всего мира). Весьма показательно, что и нарком просвещения Анатолий Луначарский, и нарком здравоохранения Семашко, активно поддерживали евгенику. Большевики верили в социальный прогресс, ведущий к новому коммунистическому обществу, состоящему из «новых людей». Они также верили в способность людей управлять своим развитием. Русская версия «Интернационала», ставшая гимном страны, провозглашала: «Никто не даст нам избавленья: ни бог, ни царь и ни герой. Добьёмся мы освобожденья своею собственной рукой». Возможно, лучшей иллюстрацией этой веры было пророчество Л.Д. Троцкого в 1922 г.:

> «Человек примется, наконец, всерьез гармонизировать себя самого. <…> Человеческий род, застывший *Homo sapiens*, снова поступит в радикальную переработку и станет под собственными пальцами объектом сложнейших методов искусственного отбора и психофизической тренировки. <…> Человек поставит себе целью <…> создать более высокий общественно-биологический тип, если угодно сверхчеловека» (Троцкий, 1923, с. 196–197).

Так же, как и для других социалистических партий того времени, для большевиков основным инструментом прогресса была наука. Евгенический идеал манипулирования репродукцией человека хорошо вписывался в сциентизм большевиков, с их технократическим и утилитарным отношением к науке. Футуристическое евгеническое

видение управляемой человеком эволюции/прогресса стало точкой пересечения интересов евгеников и их покровителей среди высокопоставленных большевиков. Именно это совпадение интересов позволило евгенике так быстро институциализироваться в послереволюционной России. Само слово «евгеника» имело множество смыслов, которые помогли евгеникам и большевикам выработать общий язык и установить продуктивный диалог. Это позволило евгеникам «перевести» свои собственные, часто весьма сложные для понимания непосвящённых интересы в вопросах наследственности, разнообразия и эволюции человека на язык, понятный и оцененный их покровителями. Эта лингвистическая/идеологическая близость превратила евгенику во влиятельный культурный ресурс и оказалась важным фактором и в большевистской поддержке евгеники, и в укреплении евгеников на позициях правительственных экспертов в 1920-е гг.

«Конец евгеники» в России наступил гораздо раньше, чем в любой другой стране, и в совершенно иных условиях. В 1930 г. партаппарат укреплял свой контроль над всеми сферами жизни страны, и евгеники были вынуждены уступить роль экспертов партийным функционерам и идеологам. Это объясняет выбор евгениками «усечённого» пути для дальнейшего развития своей области. Они были вынуждены отказаться от двух ключевых элементов, наиболее тесно связанных с социальной политикой: «прикладной науки» (антропотехники) и «евгенической религии/идеологии». Тем не менее они сумели сохранить и далее развивать третий элемент — «чистую науку» — антропогенетику, быстро переименованную в медицинскую генетику. Через несколько лет эта «чистая наука» в глазах большевистских лидеров запятнала себя «фашистской краской», что закончилось её гибелью в Советском Союзе, тем самым предвосхитив послевоенные «реформы» евгеники во многих других странах, спровоцированные зверствами нацистов во имя «чистоты арийской расы».

Несмотря на свою короткую жизнь, евгеника оставила заметный след в различных областях социальной политики в советской России, след, до сих пор полностью не оцененный ни историками евгеники, ни историками России. Возможно, ослеплённые официальным негативным отношением к евгенике в СССР в 1930-е гг., многочисленные исторические исследования феминизма, семьи, ОММ, демографии, гражданского и уголовного правосудия, профилактической медицины, абортов и контроля над рождаемостью игнорируют евгенику, даже в период её расцвета в 1920-х гг. Например, в недавнем обсуждении «сталинского пронатализма в общеевропейском контексте» Дэвид Хоффман активно ссылается на роль евгенических идей в политике регуляции рождаемости, принятой в различных странах, но даже не упоминает о евгенике в России (Hoffmann, 2000). Однако, как демонстрирует Гражданский кодекс СССР 1926 г., эти идеи, безусловно, повлияли на законодательство в области семьи и брака. Многие историки России анализировали даже такие сугубо «евгенические» вопросы, как аборт, лишь мимоходом упоминая евгенику (см., например: Waters, 1992; Goldman, 1993). Но даже беглый анализ показывает глубокое влияние евгеники на советскую политику в области абортов, сохранившееся и после официального «осуждения» советской евгеники, о чём свидетельствует закон против абортов 1936 г. Хотя закон был принят в июне 1936 г. дискуссии по поводу «абортов по медицинским показаниям», продолжались в течение ещё как минимум года. Выработанный в результате список медицинских показаний, считавшихся достаточным основанием для разрешения на аборт, включал множество «наследственных заболеваний» и ясно показывает, что идеи евгеники продолжали оказывать влияние на умы врачей, юристов и партийных бюрократов, участвовавших в создании и обсуждении закона. Этот пример также показывает, что многое еще предстоит сделать в изучении процессов

проникновения евгенической идеологии в процессы принятия решений по конкретным вопросам социальной политики.

Материалы, представленные выше, иллюстрируют относительную важность местных и международных факторов в развитии евгеники в России, и в то же время поднимают вопросы о влиянии событий в России на судьбу евгеники в других странах. Даже при том, что исследовательская практика евгеники (анкеты, исследования близнецов и групп крови и т.д.) требовала адаптации к местным интеллектуальным и техническим традициям, её международный перенос был относительно несложен и успешно обеспечивался постоянным движением учёных, публикаций, материалов и технологий исследований через национальные границы. Но аналогичный перенос исследовательских программ, социальной политики, риторики и идеологии евгеники, оказался гораздо более избирательным и проблематичным. Радикальные преобразования российской евгеники после Октябрьской революции 1917 г., «революции сверху» и Большого террора показывают, что на каждом этапе российские евгеники адаптировали свои исследовательские и социальные программы к политическому, институциональному и идеологическому давлению и со стороны своих внутренних покровителей, и со стороны зарубежных коллег. В то же время история VII Международного генетического конгресса наводит на мысль, что ситуация с евгеникой в СССР, возможно, повлияла на развитие этой области в других странах.

Представленный краткий обзор позволяет предположить, что история российской евгеники может внести значительные коррективы в традиционное понимание отношений между наукой и обществом, общественного дискурса и государственной политики, институтов и идей, обосновываемые историей евгеники в других странах. Она облекает в четкую форму взаимозависимость «местных» историй евгеники, но в то же время подрывает почву для различных *обобщенных* схем, объясняющих взлет и падение евгеники как научной дисциплины и (продолжающееся) влияние евгенической идеологии на социальную политику по всему миру.

* * *

На протяжении многих лет Марк Б. Адамс вдохновлял и поддерживал мой интерес к истории российской евгеники, и наши многочисленные беседы помогли мне точнее сформулировать мой собственный подход и мое понимание темы. Некоторые идеи и материалы, представленные в этой статье, впервые были опубликованы (в весьма краткой форме) в Oxford Handbook on the History of Eugenics (New York, 2010), и я весьма благодарен редакторам этого монументального издания, Alison Bashford и Philippa Levine, за полезные советы и комментарии. Научный совет по социальным и гуманитарным наукам Канады (SSHRCC) оказал финансовую поддержку моим исследованиям, результатом которых является данная работа. Я также чрезвычайно признателен Анне Самокиш, Марине Сорокиной и Анастасии Федотовой за помощь в подготовке русского варианта этой статьи.

Литература

Adams M.B. Science, Ideology, and Structure: The Kol'tsov Institute, 1900–1970 // The Social Context of Soviet Science / Ed. by L.L. Lubrano, S.G. Solomon. Boulder: Westview Press. 1980. P. 173–204.

Adams M.B. Eugenics in Russia // The Wellborn Science: Eugenics in Germany, France, Brazil, and Russia / ed. by M.B. Adams. New York: Oxford University Press, 1989a. P. 153–229.

Adams M.B. The Politics of Human Heredity in the USSR, 1920–40 // Genome. 1989b. Vol. 31. P. 879–884.

Adams M.B. Eugenics as Social Medicine in Revolutionary Russia // Health and Society in Revolutionary Russia / ed. by S.G. Solomon and J.F. Hutchison. Bloomington: Indiana University Press, 1990a. P. 200–223.

Adams M.B. Levit, Solomon Grigorevich // Dictionary of scientific biography / ed. by F. Holmes. New York: Charles Scribner's Sons, 1990b. Vol. 18. Suppl. II. P. 546–549.

Adams M.B. Serebrovskii, Aleksandr Sergeevich // Dictionary of scientific biography/ ed. by F. Holmes. New York: Charles Scribner's Sons,1990c. Vol. 18. Suppl. II. P. 803–811.

Adams M.B. Soviet Nature-Nurture Debate // Science and the Soviet Social Order / ed. by L.R. Graham. Cambridge: Harvard University Press, 1990d. P. 94–138.

Adams M.B., Allen G.E., Weiss Sh. Human Heredity and Politics // Osiris. 2005. Vol. 20. P. 232–262.

Bashford A., Levine Ph. (eds). The Oxford Handbook on the History of Eugenics. New York: Oxford University Press, 2010. 608 p.

Broberg G., Roll-Hansen N. (eds). Eugenics and the Welfare State: Sterilization Policy in Denmark, Sweden, Norway, and Finland. East Lansing: Michigan State University Press, 1996. 294 p.

Drouard A. Eugenics in France and in Scandinavia: Two case studies // Essays in the history of eugenics / ed. by R.A. Peel. London: The Galton Institute, 1998. P. 173–207.

Flitner M. Genetic Geographies: A Historical Comparison of Agrarian Modernization and Eugenic Thought in Germany, the Soviet Union, and the United States // Geoforum. 2003. Vol. 34. P. 175–185.

Goldman W.Z. Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 368 p.

Graham L.R. Science and Philosophy in the Soviet Union. New York: Vintage Books, 1974. 584 p.

Graham L.R. Science and Values: The Eugenics Movement in Germany and Russia in the 1920s // American Historical Review. 1977. Vol. 82. P. 1133–1164.

Hirsch F. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca: Cornell University Press, 2005. 392 p.

Hoffmann D.L. Mothers in the Motherland: Stalinist Pronatalism in Its Pan-European Context // Journal of Social History. 2000. Vol. 34. P. 35–54.

Howell Y. Eugenics, Rejuvenation, and Bulgakov's Journey into the Heart of Dogness // Slavic Review. 2006. Vol. 65. P. 544–562.

Joravsky D. Soviet Marxism and Natural Science, 1917–1932. London: Routledge, 1961. 433 p.

Joravsky D. The Lysenko Affair. Cambridge: Harvard University Press, 1970. 474 p.

Koltzoff N. Die rassenhygienische Bewegung in Russland // Archiv für Rassen und Gesellschaftsbiologie. 1925. Bd. 17. S. 96–103.

Krementsov N. Stalinist Science. Princeton: Princeton University Press, 1997. 371 p.

Krementsov N. International Science between the World Wars: The Case of Genetics. London: Routledge, 2005. 186 p.

Krementsov N. Eugenics, *Rassenhygiene*, and Human Genetics in the late 1930s // Doing Medicine Together: Germany and Russia between the Wars / ed. by S.G. Solomon. Toronto: University of Toronto Press, 2006. P. 369–404.

Krementsov N. Marxism, Darwinism, and Genetics in Soviet Russia: the Dialectics of Co-evolution // Biology and Ideology: From Descartes to Dawkins / ed. by Ron Numbers and Denis Alexander. Chicago: University of Chicago Press, 2010. P. 215–246.

Krementsov N. From "Beastly Philosophy" to Medical Genetics: Eugenics in Russia and the Soviet Union // Annals of Science. 2011. Vol. 68. P. 61–92.

Krementsov N. Revolutionary Experiments: The Quest for Immortality in Bolshevik Science and Fiction. New York: Oxford University Press, 2013. 268 p.

Krementsov N. The Strength of a Loosely Defined Movement: Eugenics and Medicine in Imperial Russia // Medical History. 2014. Vol. 58 (in print).

Kühl S. For the Betterment of the Race: The Rise and Fall of the International Movement for Eugenics and Racial Hygiene. New York: Palgrave Macmillan, 2013. 304 p.

Muller H.J. Out of the Night. A Biologist's View of the Future. New York: V. Gollancz, 1935. 160 p.

Peel R.A. (ed.) Essays in the History of Eugenics. London: The Galton Institute, 1998. 233 p.

Problems in Eugenics. Vol. II. Report on Proceedings of the First International Eugenics Congress held at the University of London, July 24th to 30th, 1912. Kingsway: The Eugenics Education Society. 1913. 522 p.

Rafter N.H. White Trash: The Eugenic Family Studies, 1877–1919. Boston: Northeastern University Press, 1988. 428 p.

Schwartz M. Sozialistische Eugenik: Sozialtechnologien in Debatten und Politik der deutschen Sozialdemokratie, 1890–1933. Bonn: J.H.W. Dietz, 2000. 367 p.

Sirotkina I. Diagnosing Literary Genius. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2001. 288 p.

Solomon S.G. Social Hygiene and Soviet Public Health, 1921–1930 // Health and Society in Revolutionary Russia / ed. by S.G. Solomon, J.F. Hutchinson. Bloomington: Indian University Press, 1990. P. 175–199.

Spektorowski A. The Eugenic Temptation in Socialism: Sweden, Germany, and the Soviet Union // Comparative Studies in Society and History. 2004. Vol. 46. P. 84-106.

Stepan N.L. "The Hour of Eugenics": Race, Gender, and Nation in Latin America. Ithaca: Cornell University Press, 1996. 248 p.

Stern A.M. Eugenic Nation: Faults & Frontiers of Better Breeding in Modern America. Berkley: University of California Press, 2005. 361 p.

Tucker R.C. Stalin in Power: The Revolution from Above, 1928–1941. New York: W.W. Norton & Company, 1990. 752 p.

Turda M., Weindling P.J. (eds.) Blood and Homeland: Eugenics and Racial Nationalism in Central and Southeast Europe, 1900–1940. Budapest: CEU Press, 2007. 467 p.

Waters E. The Modernisation of Russian Motherhood, 1917–1937 // Soviet Studies. 1992. Vol. 44. P. 123–135.

Weindling P. Health, Race and German Politics between National Unification and Nazism, 1870–1945. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 660 p.

Weindling P. German-Soviet Medical Co-operation and the Institute for Racial Research, 1927c. 1935 // German History. 1992. Vol. 10. P. 177–206.

Абрикосов А.И. Труды кабинета наследственности и конституции человека. Вып. 1 // Русская клиника. 1930. Т. 13. С. 522–523.

[Аноним] Евгеника // Новый энциклопедический словарь. СПб.: Ф.А. Брокгауз и И.А. Эфрон, 1914. Т. 17. С. 173.

Астауров Б.Л., Рокицкий П.Ф. Николай Константинович Кольцов. М.: Наука, 1975. 168 с.

Бабков В.В. Заря генетики человека. Русское евгеническое движение и начало медицинской генетики. М.: Прогресс-Традиция, 2008. 816 с.

Баткис Г.А. Евгеника // Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1931. Т. 23. С. 812–819.

Баткис Г.А. Социальные основы евгеники // Социальная гигиена. 1927. Т. 2. № 10. С. 7–25.

Бехтерев В.М. Вопросы вырождения и борьба с ним // Обозрение психиатрии и неврологии. 1908. Т. 9. С. 518–521.

Бунак В.В. О деятельности Русского евгенического общества за 1921 год // Русский евгенический журнал. 1922. Т. 1. С. 99–101.

Бунак В.В. О смешении человеческих рас // Русский евгенический журнал. 1925. Т. 3. С. 121–138.

Волоцкой М. Поднятие жизненных сил расы. Новый путь. М.: Жизнь и знание, 1923. 96 с.

Волоцкой М. Классовые интересы и современная евгеника. М.: Жизнь и знание, 1925. 46 с.

Воронцов Н.Н. (ред.) Александр Сергеевич Серебровский. М.: Наука, 1993. 193 с.

Гамалея Н.Ф. Об условиях, благоприятствующих улучшению природных свойств людей // Гигиена и санитария. 1912. Т. 6. С. 340–361.

Гремяцкий М. Евгеника // Малая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1936. Т. 3. С. 150–152.

Гринберг М.М. Евгеника в гинекологии и акушерстве // Гинекология и акушерство. 1923. № 5. С. 164-68.

Гуревич З.А. Фашизм, «расовая гигиена» и медицина // Расовая теория на службе фашизма. Киев: Медиздат, 1935. С. 89–125.

Давенпорт Ч. Евгеника как наука об улучшении природы человека. М.: Тип. Е. Корякина, 1913. 32 с.

Давиденков С. Н. Наследственные болезни нервной системы. Полтава: Госиздат Украины, 1925. 286 с.

Давиденков С.Н. Генетическое бюро при М.О.Н. и П. // Русский евгенический журнал. 1928. Т. 6. С. 55–56.

Давиденков С.Н. (ред.) Неврология и генетика. М.: Изд-во ВИЭМ, 1936. 261 с.

Давиденков С.Н. Эволюционно-генетические проблемы в невропатологии. Л.: Тип. им. Володарского, 1947. 382 с.

Делярю Е.М. Евгеника, её методы и значение // Гинекология и акушерство. 1923. № 5. С. 159–160.

Дионео. Из Англии. Звериная философия // Русское богатство. 1912. Т. 10. С. 296–323.

Д-р. А. Конкурсы грудных детей // Гигиена и здоровье рабочей и крестьянской семьи. 1926. № 17. С. 9.

Евгеника и биологические вопросы // Гинекология и акушерство. 1924. № 4. С. 409–413.

Кабанов Н. Роль наследственности в этиологии болезней внутренних органов. М.: Тип.-лит. Г.И. Престакова, 1899. 545 с.

Кайданов Л.З. Формирование кафедры генетики и экспериментальной зоологии в Петроградском Университете (1913–1920) // Исследования по генетике. 1994. Т. 11. С. 6–12.

Какушкин Н.М. Евгенетика и гинекология // Труды VI Всесоюзного съезда Общества акушеров и гинекологов. М., 1925. С. 415.

Караффа-Корбутт К.В. Очерки по евгенике // Гигиена и санитария. 1910. Т. 1. С. 41–48, 138–145, 276–281.

Карлик Л. Труды Медико-генетического института им. М. Горького // Под знаменем марксизма. 1936. № 12. С. 169–186.

Ковалевский П.И. Вырождение и возрождение. Преступник и борьба с преступностью. СПб.: Русский медицинский вестник, 1903. 166 с.

Ковалевский П.И. Отсталые дети (идиоты, отсталые и преступные дети), их лечение и воспитание. СПб.: «Вестник душевных болезней», 1906. 254 с.

Кольман Е. Черносотенный бред фашизма и наша медико-биологическая наука // Под знаменем марксизма. 1936. № 11. С. 64–72.

Кольцов Н.К. Алкоголизм и наследственность // Природа. 1916a. № 4. С. 502–505.

Кольцов Н.К. К вопросу о наследовании последствий алкоголизма // Природа. 1916b. № 10. С. 1189.

Кольцов Н.К. Евгеника как научная база в работе Отдела Охраны Материнства и Младенчества и аборты с точки зрения евгеники и охраны материнства и младенчества // Материалы I Всероссийского совещания по охране материнства и младенчества, Москва, 1–5 декабря 1920. М., 1921. С. 41–55.

Кольцов Н.К. Улучшение человеческой породы // Русский евгенический журнал. 1922. Т. 1. С. 3–27.

Кольцов Н.К. Родословные наших выдвиженцев // Русский евгенический журнал. 1926. Т. 4. С. 103–143.

Кольцов Н.К. Евфеника // Большая медицинская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1929. Т. 9. С. 689–692.

Конашев М.Б. Бюро по евгенике, 1922-1930 // Исследования по генетике. 1994. Т. 11. С. 22–28.

Конференция по медицинской генетике. Доклады и прения (Приложение к журналу Советская клиника. 1934. Т. 20. № 7–8). 71 с.

Кравец Л.П. Наследственность у человека // Природа. 1914a. № 6. С. 722–743.

Кр[*авец*] *Л.П.* Евгенетика // Природа. 1914b. № 10. С. 1229.

Краткий отчет о деятельности общества по изучению расовой патологии и географического распространения болезней // Русский евгенический журнал. 1929. Т. 7. С. 113.

Краснушкин Е.К. Что такое преступник? // Преступник и преступность. М.: Мосздравотдел, 1926. Т. 1. С. 6–33.

Кременцов Н.Л. Научный интернационализм — идеологии, покровители и сети: 7-й международный генетический конгресс // На переломе. Отечественная наука в конце XIX–XX веке. Вып. 3. СПб.: Нестор-История, 2005. С. 255–298.

Кржевицкий Л. Антропотехника // Энциклопедический словарь, 7-е изд. М.: Изд. тов-ва А. Гранат и К°, 1912. Т. 3. С. 249–250.

Кржевицкий Л. Антропотехника // Новый энциклопедический словарь. СПб.: Ф.А. Брокгауз и И.А. Эфрон, 1914. Т. 3. С. 99–101.

Кронтовский А.А. Наследственность и конституция. Харьков: Госиздат Украины, 1925. 189 с.

Кутанин М.П. Отчет о деятельности саратовского отделения Русского Евгенического Общества за 1927 год // Русский евгенический журнал. 1928. Т. 6. № 1. С. 54–56.

Кучук К. Краткий очерк современных взглядов на наследственность // Гигиена и санитария. 1912. Т. 6. С. 437–441.

Левит С. Проблема конституции в медицине и диалектический материализм // Медицина и диалектический материализм. М. 1927. Т. 2. С. 7–34.

Левит С. Генетика и патология (в связи с современным кризисом в медицине) // Труды Кабинета наследственности и конституции человека при Медико-биологическом институте. Медико-биологический журнал. 1929. № 5. С. 20–39.

Левит С. Человек как генетический объект и изучение близнецов как метод антропогенетики // Труды генетического отделения при Медико-биологическом институте. Т. 2. Медико-биологический журнал. 1930. № 4–5. С. 273–287.

Левит С. Предисловие // Труды медико-биологического института. Т. 3. М.; Л.: ГИЗ, 1934. С. III–IX.

Лифшиц М.И. Учение о конституциях человека с кратким очерком современного положения вопроса о наследственности. Киев: Госиздат Украины, 1924. 254 с.

Люблинский П.И. Новая мера борьбы с вырождением и преступностью // Русская мысль. 1912. № 3. С. 31–56.

Люблинский П.И. Евгенические тенденции и новейшее законодательство о детях // Русский евгенический журнал. 1925. Т. 3. С. 3–29.

Маяковский В.В. Интервью // В. В. Маяковский. Собрание сочинений в 13 томах. М.: Худож. лит., 1961. Т. 13. С. 232–233.

Медведев Н.Н. Юрий Александрович Филипченко. М.: Наука, 2006. 228 с.

Меллер Г. Евгеника в условиях капиталистического общества // Успехи современной биологии. 1933. Т. 2. № 3. С. 3–11.

Меллер Г. Евгеника на службе национал-социализма // Природа. 1934. № 1. С. 100–106.

Могильнер М. Homo imperii. История физической антропологии в России. М.: НЛО, 2008. 512 с.

Мольков В. Пять лет работы Государственного Института социальной гигиены // Санитарное просвещение. 1924. № 2. С. 31.

Оршанский И.Г. Роль наследственности в передаче болезней // Практическая медицина. 1897. Т. 8–9. С. 1–120.

Оршанский И.Г. Изучение наследственности таланта // Вестник воспитания. 1911. Т. 1. С. 1–41; Т. 2. С. 95–127.

Письмо Германа Меллера — И.В. Сталину // Вопросы истории естествознания и техники. 1997. № 1. С. 65–78.

[Программа журнала] // Гигиена и санитария. 1910. Т. 1. С. 1–5.

Пчелов Е.В. Родословная гениальности: из истории отечественной науки. М.: Старая Басманная, 2008. 351 с.

Розенблюм И.И. Попытка марксисткого подхода к некоторым проблемам конституции и наследственности // Ленинградский медицинский журнал. 1926. № 4. С. 48–63.

Рутгерс И. Улучшение человеческой породы. М.: А.С. Суворин, 1909. 210 с.

Сажин И.В. Наследственность и спиртные напитки. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1908. 46 с.

Сахаров Г.П. Противозачаточные средства и евгеника // Противозачаточные средства в современном научном освещении / под ред. А.П. Губарева, С.А. Селицкого. М.: Госиздат, 1928. С. 34–47.

Семашко Н. Предисловие // Физическая культура в научном освещении. М.: Изд-во Высшего и Московского советов физической культуры, 1924. С. 3.

Семашко Н.А. Их евгеника и наша // Вестник современной медицины. 1927. № 10. С. 639–649.

Серебровский А.С. О задачах и путях антропогенетики // Русский евгенический журнал. 1923. Т. 1. № 2. С. 107–116.

Серебровский А.С. Теория наследственности Моргана и Менделя и марксисты // Под знаменем марксизма. 1926. № 3. С. 98–117.

Серебровский А.С. Антропогенетика и евгеника в социалистическом обществе // Труды Кабинета наследственности и конституции человека при Медико-биологическом институте, Медико-биологический журнал. 1929. № 5. С. 3–19.

Серебровский А.С. Письмо в редакцию // Медико-биологический журнал. 1930. № 4–5. С. 447–448.

Сикорский И.А. Что такое нация и другие формы этнической жизни. Киев: тип. Л.В. Кульженко, 1915. 56 с.

Слепков В. Наследственность и отбор у человека // Под знаменем марксизма. 1925a. № 4. С. 102–122.

Слепков В. Биология человека // Под знаменем марксизма. 1925b. № 10–11. С. 115–142.

Соболев Г. Русское евгеническое общество // ВАРНИТСО. 1930. № 5. С. 49–50.

Современное состояние вопроса о стерилизации в Швеции // Русский евгенический журнал. 1925. Т. 3. С. 78–81.

Сысин А.Н. Первые шаги евгенического законодательства в России // Социальная гигиена. 1924. № 3–4. С. 11–20.

Тео Эли [Федор Ильин]. Долина новой жизни. М.: Круг, 1928. 383 с.

Терентьев И. "Хочу Ребенка" (План постановки) // Новый Леф. 1928. № 12. С. 35.

Тимирязев К.А. Евгеника // Энциклопедический словарь, 7-е изд. М.: Изд. тов-ва А. Гранат и К°, 1912. Т. 19. С. 391–395.

Ткачев Т.Я. Социальная гигиена. Воронеж: Воронежский губздравотдел, 1924. 159 с.

Третьяков С.М. Хочу ребенка // Новый Леф. 1927. № 3. С. 3–11.

Третьяков С.М. Хочу ребенка // Современная драматургия. 1988. № 2. С. 206–243.

Троцкий Л. Литература и революция. М.: Красная Новь, 1923. 393 с.

Тутышкин П.П. Роль отрицательного отбора в процессе семейного вырождения. Харьков: М. Зильберберг, 1902. 503 с.

Укше С. Вырождение, его роль в преступности и меры борьбы с ним // Вестник общественной гигиены. 1915. Т. 6. С. 798–816.

Фандо Р.А. Полемика о судьбе евгеники (в поэтическом жанре) // Вопросы истории естествознания и техники. 2002. № 3. С. 604–617.

Фельдер Б.М. Расовая гигиена в России: Евгений Алексеевич Шепилевский (1857–1920) и зарождение евгеники в Российской империи // Историко-биологические исследования. 2012. № 2. С. 39–60.

Филипченко Ю.А. О видовых гибридах // Новые идеи в биологии. Наследственность / под ред. В.А. Вагнера. СПб., 1914. С. 124–149.

Филипченко Ю.А. Евгеника // Русская мысль. 1918. № 3–6. С. 69–96.

Филипченко Ю.А. Бюро по евгенике // Известия бюро по евгенике. 1922. № 1. С. 1–4.

Филипченко Ю.А. Интеллигенция и таланты // Известия бюро по евгенике. 1925a. № 3. С. 83–96.

Филипченко Ю.А. Обсуждение норвежской евгенической программы на заседаниях Ленинградского отделения Р.Е.О. // Русский евгенический журнал. 1925b. Т. 3. С. 139–143.

Финкельштейн Е.А. Евгеника и фашизм // Расовая теория на службе фашизма. Киев: Медиздат, 1935. С. 37–88.

Флоринский В.М. Усовершенствование и вырождение человеческого рода. СПб.: Журнал «Дело», 1866. 206 с.

Фризен Г. Генетика и фашизм // Под знаменем марксизма. 1935. № 3. С. 86–95.

Хен Ю.В. Евгенический проект: pro и contra. М., 2003. 153 с.

Чиж В. Криминальная антропология. Одесса, 1895. 51 с.

Шмидт Г. Не из верхних десяти тысяч, а из нижних миллионов // Под знаменем марксизма. 1925. № 7. С. 128–133.

Шоломович А. Наследственность и физические признаки вырождения у душевно-больных и здоровых. Казань: Тип.-лит. имп. ун-та, 1913. 330 с.

Шорохова А.А. Новые пути в селекции человека и млекопитающих // Врачебная газета. 1929. № 3–4. С. 179–184.

Юдин Т. Психозы у близнецов // Журнал невропатологии и психиатрии. 1907. Т. 7. С. 68–83.

Юдин Т. О характере наследственных взаимоотношений при душевных болезнях // Современная психиатрия. 1913. № 8. С. 568–578.

Юдин Т. Об евгенике и евгеническом движении // Современная психиатрия. 1914. № 4. С. 319–336.

Юдин Т.И. Психопатические конституции. М.: Сабашниковых, 1926. 166 с.

From "Beastly Philosophy" to Medical Genetics: Eugenics in Russia and the Soviet Union

Nikolai Krementsov

University of Toronto, Toronto, Canada; n.krementsov@utoronto.ca

This essay offers an overview of the three distinct periods in the development of Russian eugenics: Imperial (1900–1917), Bolshevik (1917–1929), and Stalinist (1930–1939). Began during the Imperial era as a particular discourse on the issues of human heredity, diversity, and evolution, in the early years of the Bolshevik rule eugenics was quickly institutionalized as a scientific discipline complete with societies, research establishments, and periodicals that aspired an extensive grassroots following, generated lively public debates, and exerted considerable influence on a range of medical, public health, and social policies. In the late 1920s, in the wake of Joseph Stalin's "Great Break", eugenics came under intense critique as a 'bourgeois' science and its proponents quickly reconstituted their enterprise as 'medical genetics'. Yet, after a brief period of rapid growth during the early 1930s, medical genetics was dismantled as a 'fascist science' towards the end of the decade. Based on published and original research, this essay examines the factors that account for such an unusual — as compared to the development of eugenics in other locales during the same period — historical trajectory of Russian eugenics.

Keywords: eugenics, euphenics, gene-fund, medical genetics, Russia, USSR.